

Наша Конституция

Великий труд и суровый воинский подвиг народа, радость матери и неомраченное счастье ребенка, вдохновенное творчество художника и ученого — вся полнота жизни свободного человека-создателя воплощена в бессмертном документе, имя которому Советская Конституция.

Как много песен сложено о нашей Конституции поэтами всех братских народов, песен, в которых звучит голос миллионов. В них — и воспоминание о пролётарских законах прошлого, от которых горбился и тружеников страны, и глубже пролетали морщины на лицах и, как смех, гуляли по горам и селам парской России бесправие, нищета и голод. В них, этих песнях, и гордое сознание величия завоеванного счастья, закрепленного законом нашей социалистической жизни.

Право на труд, право на отдых, право на образование — то, о чем мечтали поколения борцов-революционеров, стало нашей явью, действительностью. И сколько бы десятилетий ни минуло со дня рождения Советской Конституции, эти ставшие привычными для нас слова о завоеванном не перестают восторгать сердца и умы.

Как не забывает история имен отважных, сильных духом первооткрывателей, так остаются в веках и день рождения новой Советской Конституции, ставшей маяком для всего прогрессивного человечества, образцом подлинно демократических свершений для стран лагеря социализма.

Конституция и мир неотделимы для советского человека. Нафос закона нашей жизни — в солидарности, в мирном труде, направленном на благо Родины, на благо человека. Стоит оглянуться на один лишь вышедший год, чтобы увидеть, как много сделано, как много достигнуто Коммунистической партией, Советским правительством и правительствами стран народной демократии в борьбе за ослабление международной напряженности, в борьбе за мир.

Когда думаешь о горячей признательности всех народов Советского Союза за его прерывенную десятилетиями, неизбывную политику сохранения и упрочения мира, перед мысленным взором возникает, как символ, огромная площадь Рамлаки в Дели и сотни тысяч простых людей Индии, собравшихся на ней, чтобы выразить свои искренние дружеские чувства советским руководителям и в лице их всему советскому народу. Знаменательна эта могучая демонстрация растущей и крепнущей дружбы между двумя великими народами СССР и Индии! Знаменательны крепнущая дружба и сотрудничество между Советским Союзом и Бирмой, народы которой горячо приветствуют советских руководителей, посетивших ныне эту страну!

Советский Союз гостеприимно распахнул свои двери для парламентских делегаций многих стран, для гостей, туристов, деятелей культуры, науки, искусства. И все, кто непредвзято подходит к увиденному и услышанному в нашей Отчизне, — от американского фермера до члена буржуазного парламента, — единодушно признают: советский народ живет и трудится во имя мира.

Для советского человека неотделимы понятия: конституция и свободный труд. «Социализм», говорил Ленин, — не создается по указам сверху. Его дух чужд казенно-бюрократическим автоматизмам; социализм живой, творческий, есть сознание самих народных масс».

Завершая пятый пятилетний план, — по объему промышленного производства его выполнен досрочно, за четыре года и четыре месяца, — советский народ под руководством Коммунистической партии осмысливает пройденный путь. Да, именно живым, творческим духом создания, подлинно революционным размахом отмечены и грандиозные работы по освоению целинных земель и строительству электростанций на Волге, Днепре, Ангаре и других реках и темпы развития машиностроения. Но советские люди, умея трезво оценивать свои успехи, умеют мужественно, прямо говорить и о своих промахах и недостатках. Образцом подлинно марксистской глубины анализа явлений служат для нас постановления Центрального Комитета партии и Совета Министров СССР, в которых наряду с достижениями отмечены не решенные еще задачи страны. В этих постановлениях полно и всеобъемлюще находят отражение воля самих народных масс. Разве не весь многомиллионный советский народ принимает деятельное участие в тех совещаниях строителей, архитекторов, работников МТС, директоров промышленных предприятий, что проходит в Кремлевском дворце!

Конституция — это не только завоеванное, закрепленное. В ней воплощено и наше будущее.

Новый год станет для нас годом встречи шестой пятилетки. В обсуждении проектов

нового пятилетнего плана участвовали шахтеры и металлурги, нефтяники и машиностроители, ткачи и электики, строители и архитекторы, миллионы хлеборобов. Большие замыслы требуют больших усилий. Но советского человека, чей труд вдохновлен высокой целью, не пугают трудности. Новая пятилетка — новая веха на пути строительства коммунизма. Все, что намечено свершить за этот отрезок времени, как и все созданное за минувшие пятилетки, имеет одно устремление — заботу о советском человеке.

Духом подлинного интернационализма проникнута Советская Конституция. В ней запечатлено одно из величайших завоеваний советского народа — равноправие наций. В январе 1924 года второй Всесоюзный съезд Советов принял первую Конституцию, законодательно оформившую добровольное объединение равноправных Советских Социалистических Республик в Союз ССР. Спустя два года, в январе 1926 года второй Всесоюзный съезд Советов после всенародного обсуждения принял новую Конституцию СССР. Уже к этому времени в корне изменился облик народов страны, исчезло чувство взаимного недоверия, развилось и окрепло чувство взаимной дружбы. Равноправие всех наций и рас, независимо от цвета кожи, от языка и культурного уровня, — непреложный закон нашей жизни.

Братское сотрудничество народов всех республик, крепнущее с каждым годом, принесло чудесные плоды. Мы часто сравниваем век минувший с веком нынешним, сравниваем прошлое той или иной национальной республики с ее настоящим. Сопоставления эти так разительны, что не перестают удивляться: ведь все великие преобразования произошли не за столетия, а за время жизни поколения, которое и ныне здравствует, полна энергии и плечом к плечу со своими сыновьями и дочерьми строит коммунистическое общество.

Народы, обремененные царизмом на умирание, возродились к жизни. Народы, не знавшие, что такое письменность, создали свою литературу. Таджикистан, где до революции было всего лишь десять школ, имеет теперь тысячи учебных заведений, университет, свою Академию наук. Республиками сильной грамотности стали Узбекистан, Азербайджан... Да разве это такой уюток в стране Советов, где перемены хозяйственной и культурной жизни не были бы столь же зримы и огромны!

Святое чувство дружбы и братской солидарности связывает народы Советского Союза с народами стран социализма и демократии. Наши связи и взаимоотношения с ними построены на новых принципах товарищеской взаимопомощи и координации планов экономического развития. Наше сотрудничество основано на взаимном уважении суверенитета и равноправия народов. Радостно сознавать, что друзья наши, вставшие на путь социалистического строительства, так далеко шагнули вперед за послевоенные годы.

В светлый праздник Конституции мы пристально вглядываемся в приметы нашей советской жизни, в то, что стало нашим бытом, нашей повседневностью. С особой остротой вновь и вновь ощущаем мы радость сознания быть гражданином Советского Союза. Почетная и ответственная эта должность на земле!

XX век — век торжества социализма и коммунизма. Из отдаленной мечты, из отдаленного будущего, каким был коммунизм для многих поколений, строительство коммунизма стало реальностью. Но мы не забываем, что продвижение наше вперед будет тем успешнее, чем настойчивее и упорнее поведем мы и впредь беспощадную борьбу против всяких пережитков капитализма в сознании людей.

В этой борьбе огромную роль призваны сыграть «инженеры человеческих душ». Борьба с остатками буржуазной идеологии и морали, воспитание советских людей в духе идей коммунизма, утверждение принципов социалистической морали — благородная задача советских писателей. Наша жизнь, люди, создающие ее, — вот тот живейший источник, который питает нашу литературу и искусство.

Страна идет навстречу XX съезду Коммунистической партии. Ум, честь и совесть нашей эпохи воплощены для нас в слове **Партия**. Никогда не был так крепко сплочен вокруг партии советский народ, как ныне, никогда единение партии и народа не было столь тесным.

Всемирно-исторические завоевания советского народа, все, что записано и закреплено в законодательном порядке в Конституции, достигнуто под руководством партии. Слава великий закон нашей жизни, народ славит партию — вдохновляющую и руководящую силу советского народа в борьбе за построение коммунизма.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 145 (3490)

Воскресенье, 4 декабря 1955 г.

Цена 40 коп.

ПОХОЗЯЙСКИ

У редакции борисовской районной газеты «За коммунизм» на учете каждая строчка. Газета невелика и выходит всего три раза в неделю. Небольшие полосы должны вместить много новостей — от районного до международного масштаба — все на четырех страничках. И вот 12 октября дорогие строчки были отданы обществу о том, что профтор тов. Максим сломал лигу на проспекте имени Орджоникидзе, а всего, писал автор, в г. Борисове сломано за год 86 деревьев. Непосвященный человек, пожалуй, удивится редакционной шутке. Но житель Борисова, а Польша, и Орши, и Новорудка примет и разделит эти газеты по поводу поступка шопера.

В республике сложилась хорошая традиция творческого участия населения в борьбе за культуру родного города. В 1941 году это прекрасное дело возглавил город Рогачев. Рогачевское движение стало известно всей стране. За три месяца городок стал неузнаваем — запущенный Рогачев превратился в самый чистый город Белоруссии, дома скрывались за живой зеленой изгородью, покрытые песком панели украсили улицы, окурки, брошенные на мостовую, мог стать предметом самого сурового разговора. Заметки о Рогачеве можно было встретить в мае — июне 1941 года и в «Правде» и в «Труде». Но грянула война, и молодые зеленые побеги на улицах Рогачева были сметены бомбами...

Осенью 1955 года город Борисов первым загорился о долге горожан. Как-то председатель горисполкома Алексей Яковлевич Кийков и секретарь городского комитета партии Анатолий Юлианович Денисович вышли на проспект Революции. Дома новые, а мостовые, тротуары, заборы — глаза бы не глядели... Рядом стояли несколько рабочих стекольного завода, ждали автобуса. У Алексея Яковлевича вырвалось: «Как, товарищи, не помогли бы вы привести проспект в порядок?». — «Так мы разве возражаем? Для себя же работать будем. Конечно, согласны».

На первый воскресник пришли все, включая секретаря горкома и председателя горисполкома. Дело пошло.

В октябре маленький Борисов обратился к жителям всех городов республики, в том числе и ее столицы — Минска: поддержите наше начинание, пройдитесь по своим площадям и улицам, по магазинам и баням, стадионам и паркам, оглянитесь вокруг себя, — и везде найдется дело для заботливых рук. Борисовчане были негосподинством в своем обращении — оно состояло почти из одних цифр, которые говорили о том, что уже сделано за одну осень и что будет обязательно сделано в 1956 году.

Совет Министров и Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии поддержали предложение жителей г. Борисова — было принято постановление о соревновании городов БССР.

Имена городов-победителей будут названы весной, накануне майских праздников.

Борисов — древний город, его околицы достигают лет «Шведа, Бонапарта здесь следы остались», — писал Янка Кунава в поэме «Борисов». Через городок течет Березина — имя этой реки стоит в истории Отечественной войны 1812 года рядом с именем Бородино — там была нанесена решающая улар армии Наполеона, здесь она перестала существовать.

В 1812 году крестьяне в уезде были отступавших завоевателей, а в 1942 г. правящий борисовских крепостных создали здесь настоящую партизанскую армию, громившую фашистов. После освобождения от оккупантов горожане героически восстанавливали разрушенный Борисов.

И приехала сюда в конце ноября и, увидев заснеженные дома и улицы, решила, что редакционное задание находится под угрозой, — снег скрыл и новые тротуары, и свежескошенные крыши, припорошил грязь, сорвал ухабы на мостовых.

В начале проекта Революции установлен многометровый стел. На нем изображена главная площадь города, проспект, который ее пересекает, кварталы новых домов, зеленые массивы. «Этого еще нет», — объясняет мне прохожий, — «но это будет». Новенькие автобусы, электрические часы на столбах, витрины для газет, таблички на автобусных остановках, голубые стандартного типа заборы — да-а, выходят, и в ноябре многое видно. И зимой

не трудно определить, что в борисовских магазинах чище, чем в минских, а недавно посаженные деревья и кустарники есть почти на каждой улице.

Борисов — небольшой промышленный городок, делающий массу полезных вещей: землеройные машины и стеклянную посуду, слитки и плавнино. До последнего времени, отдавая много внимания его заводам и мастерским, руководители городских организаций несправедливо мало занимались лицом города. Он был запущен, но с этим мириться. А в нынешнем году жители решили — хватит!

Живет в Борисове восьмидесятидвухлетний учитель Гаврила Иванович Котлянский. С 1929 года он бессменный депутат городского Совета.

Он помнит, как, вернувшись из эвакуации, вышел на перрон, увидел вместо улиц песчаные и груды железного лома. Гаврила Иванович стар, и когда решено было, чтобы депутаты поехали по домам и квартирам избирателей — посоветоваться, как привести в порядок город, — старейшего депутата от его обязанности освободили. Но Гаврила Иванович не утерпел. Много часов ходил он из дома в дом, из квартиры в квартиру. И делал то, что и другие депутаты, — спрашивал о претензиях к горисполкому, советовал, в какой цвет покрасить забор, где выкопать выгребную яму, договаривался о ежедневной уборке улицы: «Чтобы стало привычкой, как встал, — так помети не только пол в доме, но и мостовую перед ним».

В Борисове организовано производство деталей заборов, уже сейчас заготавливают кирпичные плиты, чтобы весной покрыть ими тротуары. Жители должны заранее подготовить улицу — каждый около своего дома. Председатель горисполкома предупредил депутатов: чей округ кончат работы первым, с тех улиц и начнем класть тротуары. И Гаврила Иванович уже развернул такую деятельность, что, вероятно, первые машины с плитами пойдут на «его» улицу — улицу имени 10-летия БССР.

Депутат Михаил Павлович Новицкий на двадцать лет моложе Котлянского. И он отмерил не один километр по «своей» Лейтенантской улице, советовал, просил, а где надо и требовал. Он ходил по заводам и придиричиво проверял, сколько многолетних деревьев посажено. Он добился, чтобы стекольный завод вел порядок на узкоколейке, которая проходит через одну из улиц.

Борисовской общественности удалось расшевелить директоров заводов. Продукция деревообрабатывающего комбината «Коминтерн» — пиломатериалы. Работают здесь чисто и аккуратно. Недаром получили комбинат в прошлом году такой почетный знак — дубовыми паркетными плитками, сделанными на «Коминтерне», выложены все залы и холлы Варшавского Дворца культуры и науки. Штробилим золотистых досок заставлены дворы комбината. А чистая продукция не может храниться среди грязи. Сначала вылезли за свою территорию — очистили от мусора, посадили деревья. Потом вышли и за ворота — заасфальтировали улицу, построили мостик, тротуары. Коллектив комбината сам, своими силами строит стадион. На суботники выходят все — и начальники цехов и мастера. Дело добровольное, никого не принуждают: хочешь — оставайся, не хочешь — уходи. Но как уйдешь, когда имени коллектив «Коминтерна» внес предложение о том, чтобы каждый горожанин отдал благоустройству пятьдесят часов.

Пятьдесят часов за год — это ведь не много, всего лишь час в неделю, но 20 тысяч часов, которые отработали за осень на улицах своего города борисовчане, вырвались уже в огромную материальную силу.

И еще одна очень важная инициатива родилась на «Коминтерне» — начала действовать бригада содействия милиции. Совсем недавно в заводском клубе не было прохода от подозрительных типов, которым ничего не стоило оскорбить женщину, затеять пьяную ссору. Дирекция добилась в горсовете, чтобы закрыли палатку, торговавшую водкой рядом с клубом, а за ведение порядка в нем взыскать бригаду милиции. Прошло всего два месяца, а хулиганы уже остерегаются приходить в клуб «Коминтерна» — могут быть неприятности...

И это имеет прямое отношение к начинанию борисовчан. Мало построить клуб,

стадион, залить каток, — надо дать горожанам возможность пользоваться ими.

Удивительно, как охотно и радостно откликнулись школьники на призы взрослых — все начиная от малышей, которых приглашают на воскресники скорее в воспитательных целях. Главная забота ребят — это зелень. В Борисове рассудили правильно: «то, что посадят своими руками, будут охранять». Недавно директор одной из школ вызвал к себе пятиклассника — его дерево, посаженное на школьном дворе, оказалось сломанным. Мальчишка вошел в кабинет с уже заплаканными глазами, с сжатыми, видно, еще не остывшими после драки кулаками и сразу выпалил: «Я не делал. У меня уже новая липка есть, сегодня посажу. А кто сломал, тот больше ломать не будет...». Об этой истории мне рассказал председатель горисполкома.

В школе № 5 еще в сентябре прошли специальные собрания. «Каждый человек», — сказал директор, — окончив школу, должен оставить по себе память». И ребята рьяно взялись за возведение этих живых «памятников». Они превратили привокзальный пустырь в «Аллею юности», сделали тротуар около школы, они решили посадить весной яблони из своего питомника в саду больницы, готовят беседку, заливают каток. Они полны бескорыстного энтузиазма!

В детской библиотеке один из маленьких читателей объяснил мне положение дел так: «Наш город обратился ко всем горожанам, и мы хотим быть первыми по всему!».

Привык Борисова услышан в республике. Оглянувшись вокруг жителей Польша и увидели то, что раньше не замечали, — похвастать около Дома культуры, забор в лужайках афиш месячной давности, сараички-курятники. И Польша принял план конкретных мер по благоустройству, ибо, как писала районная газета, «каждый должен не только любить свой город, но и на деле доказать эту любовь».

В среду прошло совещание на ту же тему в Минске. Председатель горисполкома тов. Шаронов выслушал немало горьких вещей: и о том, что, благоустроивая центр, нельзя забывать об окраинах, и о том, что комитет горсовета не доходит до Тракторного и Автомобильного заводов, а там началось интересное дело — соревнование двух рабочих поселков за культуру быта.

У людей появилась вкус к чистоте. Забота о поддержании порядка в городе превращается постепенно в привычную потребность. Жители становятся требовательнее к себе, к своим депутатам, к председателю исполкома городских Советов. И надо подумать о том, как помочь им выполнить эти законные претензии.

Недавно в Индию Никита Сергеевич Хрущев сказал, что «соревнование — это обмен опытом, знаниями». Думаю, что это относится и к соревнованию городов.

Нет института, который готовил бы председателей горисполкомов, а должность это трудная, хлопотная; она требует разнообразных знаний. К сожалению, председатели горисполкомов мало ездят — обычно только в областной или республиканский центр отчитаться, что-то «утреться», уладить, достать. Ну, а в соседний город, не говоря уж республику, где, может быть, уже решен вопрос, над которым бьется председатель, — такие поездки не практикуются. А ведь в одном городе остроумно размещены зеленые насаждения, в другом — экономно и удобно построены автомобильные маршруты, в третьем — налажено производство строительных материалов...

Недавно во Флоренции состоялся съезд мэров столичных городов. Побывавший на нем председатель исполкома Московского Совета М. Яснов отметил «большую практическую пользу личных контактов между деятелями городских самоуправлений». Думаю, что не плохо было бы перенять эту международную традицию. Думаю, что и И. В. Сталина, на алом фоне две даты: 1925—1955.

Белорусские города двинулись в поход за чистоту и порядок. В мае 1941 года жители писали о главной задаче рогачевцев — «убедить людей, что это движение — не очередная кампания, а повседневное дело. Что ж, сегодня остается повторить это доброе пожелание.

Э. МАКСИМОВА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

БОРИСОВ, БССР

Серафим ПОПОВ

Спаршему брату

Ты сам под властью богачей стоишь, Ты распознал душу людского горе И в каждом доме лучшим гостем стал По всей стране от моря и до моря.

Хоть вымирал в лесах за родом род, Я прошлему за то лишь поклонился, Что не погиб мой маленький народ, К нему ты в час беды, как друг, ливился.

Ты бросил нам великой дружбы ключ, И дружба эта крепнет год от года, Великий русский человек — Ильич Нас вместе вел бороться за свободу.

Перевел с языка коми А. МУРЗИН

Я в России рожден!

Я в России рожден. Родила меня мать в пору яблок и в пору созревшего хлеба. И велела мне песню в дороге петь.

И дала в изголовье мне сине небо. Я глядел на него: облака... облака... Высоту пологам перерезала птица. Все течет и течет голубая река. А воды из нее никогда не напились.

Нет, обратно на землю! Скорее, скорей! Обнимать ее жаркие травы в июле. Пить живую прохладу зеленых морей.

На дальних заставах стоять в карауле. Сторожить ее всю — до цветка лещеска! От незваного гостя. От мора. От слаза.

Дуешь ее не конется лихая рука. Двухдушная песня и лихая фраза. Пусть они не трожат ее не когда. Пусть до сердца ее — не достанут печали.

Сорок раз мне кукушка считала года, Сорок лет... А как будто дорога в начале.

Будто только вчера я отправился в путь. Мир вокруг удивительно свеж и прекрасен. Ко всему приглядишься, ничего не забудь.

Равнодушный, как черная осля, опасен. В мире столько еще не сделано дел! Еще мерзнет земля в ледниках Антарктиды.

И не вторгся никто еще в звездный предел, И пустыни желтеют от вечной обиды.

Мир еще разграничен борьбою идей, Еще делят людей на русских и на белых.

Слышишь, негры поют о России? О земле справедливых, свободных и смелых.

И куда бы судьба ни вела бедняка, Где бы мать колыбельную песню ни пела, — Отказывается надаль Волга-Енисей, Слово вечность сама за одно прошумела.

Я в России рожден. Я люблю ее так, Что словами всего и не скажешь, конечно. Если друг — так уж друг, если враг — так уж враг. А уж если любовь — так уж это навечно.

Зла не помнит Россия. Побитым не мстит. Может хлебом и песней с тобой поделиться.

Добрый гостем придешь — от души угостит. Спрятает камень за пазухой — горе случится.

Посмотри ей в глаза. Не предаст. Не солжет. Кто слабее ее — никогда не обидит. И всегда она слово свое сбережет. И за черною тучю солнце увидит.

Может, солнце вот это вель Ильича Связь жандармскую ночь, сквозь босые, метели skies... Каторжане брели, кандалами стуча. Вдоль Владимирки бабы бегали босые.

И какую тайл в себе силу народ, Сколько было в нем светлой мечты и отваги, Чтобы встать, распрямиться, рвануться вперед И о солнце зажечь свои красивые флаги.

Я в России рожден. И куда ни пойди, Где б мои ни лежали дороги земные, Всю, что в сердце ношу, что в груди, — вместились в слово — Россия!

Сергей ОСТРОВИЙ

Иосиф НОНЕШВИЛИ Как можно забыть...

Казахским друзьям

Как можно забыть это солнце большое и Казахстан этих дней, долины, которые все обошел я, наездник, гонящих коней, простор непочатый и пастбища ваши, сайгаков — почти у крыльца, и песни, и новые пышные пани, большие, как ваши сердца!

Равнины, одетые зноем и гулом, шаг храбрый и добрый народ, стихи соловья Казахстана — Дямбула, добра, как конгури, поет! Забыть Ала-Тау высокие горы, — их плечи горят белозной. Как гору, Абая, с задумчивым взором, рожденного горной весной! Скрывать не могу — красоте вашей отдан, вы братья и сестры мои. Как горы, — едипы вы с русским народом, вы горы великой сечи. Мне помнится наша охота, човечка. По речке беседа пыла. Сквозь шестел соловья мы слышали четко

паренье степного орла. Люблю я равнины ковровые, смелых джигитов тугие ряды и новых строений наряд снежно-белый угольной Караганды. Прекрасно все это!

Все это — со мною, но ближе, дороже всего — народ, овладевший целинной землей, и верная юность его. Трактор, чернеющий в поле зеленом, и кружево борозд вдали. Как можно забыть это людям, влюбленным в хлеб, взятый от этой земли? Был мост через Хоблу готов наклониться, и как — не пойму до сих пор — комбайны прошли!

Помню горы пшеницы и лица под цвет этих гор. Дружью, забираю с собой далеко я — на сердце — простор и песни. Пускай же теперь не дают мне покоя хранимые мной колоски.

Перевел с грузинского Мих. ЛУНОНИН.

ОТКРЫТИЕ В 1920 году опытной временной Шатурской электростанции было ознаменовано выпуском специальной бронзовой медали — первой выдвинутой в нас в годы советской власти. Ею наградили тогда лучших ударников стройки.

Временная станция была небольшая — всего пять тысяч киловатт. Однако роль ей предназначалась весьма ответственная: на ее установках — новой, советской конструкции — предстояло изыскать наилучшие способы сжигания торфа для получения пара в котлах будущей мощной электростанции. Знание временной станции, сложное из красного кирпича, стоит и поныне неподалеку от главного корпуса ГРЭС.

В Шатуре можно встретить многих ветеранов строительства. Они насветла связали свою судьбу с этой станцией, овладели новыми специальностями, выдвинулись на ответственные посты. Более тридцати лет работают здесь Н. Макашкин — нынешний начальник электроцеха, И. Кузин и В. Воскресенский — машинисты котлов, П. Мухин — электромотор, И. Библиев — начальник смены турбинного цеха, А. Хватов — помощник машиниста, он заложил первый камень в здание станции.

Червенец ГОЭЛРО РЕПОРТАЖ

— Мы, строители временной электростанции, на всю жизнь запомнили день ее торжественного открытия, — вспоминают ветераны «Шатурстрой». — Было много гостей. Особенно радостно встретили мы Михаила Ивановича Калинин. Выступая на митинге, он говорил, что надо укреплять связь между городом и деревней, что советская власть может управлять страной лучше царских министров, строить лучше царских специалистов. «Ленин поставил задачу», — говорил Михаил Иванович, — «построить большую электростанцию на торфе. Построим!» — спросил он собравшихся. — «Построим!» — загудело собрание. — Так и скажите Ильичу — построим!»

Основное здание станции было заложено в 1923 году. А шестого декабря 1925 года первые агрегаты Шатурской государственной районной электростанции имени В. И. Ленина дали Москве промышленный ток.

На первый взгляд кажется, что за тридцать минуток лет ничто здесь не изменилось. Приближаясь к станции, видим ту же стройную громаду ее серого корпуса с непрестанно дымящими трубами, тот же строгий вестибюль. Но поднимаемся в зал шта управления, откуда дежурный автоматически управляет «дыханием» станции, — и новое сразу же бросается в глаза. Тридцать лет назад справа от входа стояли лишь три панели с измерительными приборами. Сейчас панели контрольно-измерительных приборов тянутся вдоль четырех стен.

— В сравнении с первой очередью станции мощность ее увеличилась почти вчетверо, — вносит ясность дежурный. В зале царит тишина, даже собственных шагов не слышно, — их заглушает ковровая дорожка, покрывающая паркет. Два величественные люстры, свисающие с потолка, ровно озаряют этот высокий и торжественный зал, даже как бы не производственный зал. На переднем плане — портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина, на алом фоне две даты: 1925—1955.

Спускаемся в турбинный цех, наполненный гудом гулем машин, — та же чистота, подчёркнутая белоснежными стенами и огромной высотой оконных проемов. Здесь стоят первые агрегаты мощностью по 16 тыс. киловатт, за ними более крупные, по 44 тыс. киловатт, — вот их-то стало больше.

— Машинный зал пришлось удлинить, чтобы разместить это пополнение, — показывает пристройку главный инженер А. Дубинчик. — Одновременно мы реконструировали и котельные агрегаты, благодаря чему не только поднялся их производительность, но и создан надежный резерв. В шестой пятилетке станция станет еще сильнее: намечено установить два новых мощных турбогенератора по 50 тыс. киловатт со сверхвысоким давлением пара — в

200 атмосфер, с температурой его перегрева до 550 градусов.

В котельной мы видим, как машинист управляет котлами, сидя к ним спиной; перед машинистом — только шит с приборами.

— Процессы горения у нас теперь автоматизированы, — поясняет главный инженер, — вскоре каждый машинист будет управлять группой котлов. Интересные автоматические устройства введены и в цехе торфополоски. Свинец полновысоты, свинцового в Шатуре составляет первые агрегаты мощностью по 16 тыс. киловатт, за ними более крупные, по 44 тыс. киловатт, — вот их-то стало больше.

— Машинный зал пришлось удлинить, чтобы разместить это пополнение, — показывает пристройку главный инженер А. Дубинчик. — Одновременно мы реконструировали и котельные агрегаты, благодаря чему не только поднялся их производительность, но и создан надежный резерв. В шестой пятилетке станция станет еще сильнее: намечено установить два новых мощных турбогенератора по 50 тыс. киловатт со сверхвысоким давлением пара — в

200 атмосфер, с температурой его перегрева до 550 градусов. В котельной мы видим, как машинист управляет котлами, сидя к ним спиной; перед машинистом — только шит с приборами. Процессы горения у нас теперь автоматизированы, — поясняет главный инженер, — вскоре каждый машинист будет управлять группой котлов. Интересные автоматические устройства введены и в цехе торфополоски. Свинец полновысоты, свинцового в Шатуре составляет первые агрегаты мощностью по 16 тыс. киловатт, за ними более крупные, по 44 тыс. киловатт, — вот их-то стало больше.

Спускаемся в турбинный цех, наполненный гудом гулем машин, — та же чистота, подчёркнутая белоснежными стенами и огромной высотой оконных проемов. Здесь стоят первые агрегаты мощностью по 16 тыс. киловатт, за ними более крупные, по 44 тыс. киловатт, — вот их-то стало больше.

ТОРЖЕСТВО СВОБОДЫ

И. КОН

В современной буржуазной пропаганде, пожалуй, никакое другое слово не употребляется так часто и в таком количестве, как слово «свобода»: «свободный мир», «свободное общество», «свободный обмен», «свободный рынок», «свободный обмен», «свободный рынок», «свободный обмен», «свободный рынок»... Если верить этой пропаганде, в капиталистическом мире все делается исключительно ради свободы: запрещаются забастовки — ради «свободы предпринимательства»; подавляется национально-освободительное движение — ради «свободы отношений между народами»; проводится репатризация Западной Германии, закрепление раскода Германии — опять-таки ради «свободы» германского народа. Даже скандально известная радиостанция, пропагандирующая лишения стран народной демократии завовавшей свободы, называется... «Свободная Европа».

Мы — за свободу, за полный свободный обмен людьми и идеями. Но мы, материалисты, — практические люди, мы твердо стоим на почве реальной действительности.

Мы знаем, что «свободы вообще», свободы, не зависящей от общественного строя, от определенных социальных условий, никогда не было и быть не может. «...Всякая свобода есть обмен, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала», — говорил Ленин. Это положение лежит в основе всего социалистического демократизма, ибо величайшая свобода советского человека, которая завоевана им ценой величайших испытаний, — это свобода от эксплуатации.

Когда захотят речи о свободе, мы всегда спрашиваем: а чья она, какой цели, какой классу она служит?

Буржуазная пропаганда сознательно обходит этот вопрос. И не случайно. Там, где свободен эксплуататор, не может быть свободы для эксплуатируемого. «Свобода капиталистического общества», — писал Ленин, — всегда остается приблизительно той же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев». По меткому выражению французского философа-марксиста Роже Гароди, буржуазная свобода — это «закон джунглей»: свободная лиса в свободном курятнике».

Четырнадцатилетний негринский мальчик Эммет Тилли был убит личевоатом только за то, что он осмелился свистеть, глядя на белую женщину. Это было в сентябре 1955 года. США — свободная страна, и личевоатели были привлечены к суду. Но негров «почему-то» вывели из состава присяжных. Большинству из них даже запретили присутствовать на суде. Судебная обвещения уградили жестокой расправой. И вот суд состоялся. Личевоатели были полностью оправданы, несмотря на протесты демократической общественности. Можно ли считать это решение свидетельством свободы? Безусловно: оно отражает свободу расов и личевоателей. Но там, где свободны личевоатели, не может быть и речи о свободе негров.

Буржуазная пропаганда толкует понятие свободы, как нечто формальное, как простое отсутствие запрещения. Но еще великий русский революционер-демократ Чернышевский выискивал подобное понятие свободы. Конечно, говорил он, каждый имеет право есть на золотом сервизе, но ведь есть и моя еда, чтобы получить сервиз, то и право это мне и к тому. Многие буржуазные конституции провозглашают множество самых различных демократических прав и свобод, но практически пользоваться этими правами может далеко не каждый. Формально, юридически, например, рабочий вовсе не зависит от капиталиста: хочет — работает, не хочет — уходит. Но в условиях существующей в странах капитала забастовочной трудящийся оказывается в полной зависимости от капиталиста: «свобода» года вынуждает его работать за мизерную заработную плату и выполнять любые требования хозяина. Спрашивается, где тут свобода и равенство?

Буржуазная пропаганда много кричит о «свободе» духовной деятельности, о «свободности» художника, ученого, артиста. Но, как показал еще В. И. Ленин, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. «Свобода буржуазного писателя, художника, артиста есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от покупки, от содержания». В капиталистическом обществе не только средний интеллигент, но и самые выдающиеся деятели культуры не чувствуют себя свободными. Горьким сарказмом звучит письмо величайшего физика XX века Альберта Эйнштейна, которым он ответил на просьбу журнала «Рипортер» высказать свое мнение по поводу марксистского в научной области. «Вместо того, чтобы пытаться проанализировать эту проблему, — пишет он, — я хочу выразить мои чувства несколькими словами: если бы и вновь был молодым и должен был бы решить, как построить свою жизнь, я не пытался бы стать ученым или учителем; я скорее пытался бы специализироваться в полупроводниках или стал разнорабочим в надежде обрести ту скромную степень независимости, которую можно найти при нынешних обстоятельствах». Если уж Эйнштейн не чувствовал себя свободным, то же скажут о бесчисленных рядовых ученых и писателях!

Мы отнюдь не склонны изображать свою страну в виде готового рая, мы прекрасно знаем, что у нас еще очень много различных недостатков. Но мы твердо знаем, что общественная собственность на средства и орудия производства исключает возможность эксплуатации человека человеком, и в этом — прочная гарантия действительного равенства и действительной политической свободы.

Мы знаем, что для того, чтобы быть тем-то большим, нежели призрачный мир, свобода должна опираться на реальное, материальное условия. Там, где этих условий нет, не может быть и настоящей свободы.

Великие права советских граждан, записанные в Советской Конституции,

— не простые декларации, а совершенно реальные, твердо гарантированные права и свободы.

Где, в каком капиталистическом государстве может быть гарантировано каждому человеку право на труд? В мире капитала таких государств нет. Только в странах социалистического лагеря не знают безработицы.

А право на образование? Конечно, и в капиталистических странах каждый «свободно» учится. Но каждый ли в состоянии воспользоваться этим правом? США — передовая капиталистическая страна. Однако 25 процентов детей в этой стране получают только начальное образование, а 1 млн. вообще не имеют возможности учиться. Что же говорить о колониях, где, как в Аляске, 80 процентов населения неграмотны. Иное дело в СССР. Если до Октябрьской революции 76 процентов населения России было неграмотным, то теперь с неграмотностью покончено. В нынешнем году в наших начальных, средних, высших школах, в школах взрослых, в системе трудовых резервов, в техникумах обучается почти 35 млн. учащихся. Более 1 700 тысяч человек учатся в высших школах. Образование в нашей стране — не привилегия, а необходимость. Оно доступно каждому, кто хочет учиться.

А разве не является показателем свободы нашего общества распределение жилищ? В каком другом парламенте мира выйдете вы 348 жилищных депутатов, как в Верховном Совете СССР!

Социалистическая идеология является господствующей идеологией в нашем обществе, потому что она отвечает интересам народа. При этом Коммунистическая партия, руководящая и направляющая сила нашего общества, не навязывает своих идей насильно. Взять, к примеру, вопрос о свободе совести. Кто не знает, что коммунистическое мировоззрение абсолютно несовместимо с религией? Наша партия ведет систематическую борьбу с религиозными предрассудками, разъясняя людям несоответственность и вредность всяческих суеверий. Но Советская Конституция гарантирует каждому гражданину право исповедовать любую религию или не признавать никакой. Это право строго соблюдается. И когда где-то на местах попытаться бороться с религией административными средствами, Центральный Комитет партии направляет специальное постановление, в котором сурово осуждает допущенные ошибки.

У зарубежных «критиков» советского строя особенно недовольство вызывает позиция партийности советской литературы. Если писатель пишет, руководствуясь партийными установками, где тогда «свобода творчества»? — вопрошают господа критики. Они не могут и не хотят понять такой простой вещи, что творческие устремления советского писателя совпадают с политической нашей партией, ибо у них один интерес — интерес народа. Достойный ответ подобным «критикам» дал Михаил Шолохов в своей речи на Втором съезде писателей. «...нас, советских писателей», — говорил он, — злобующие враги за рубежом говорят, будто бы линиям мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Когда партия критикует отдельные ошибочные произведения, это не есть покушение на «свободу» писателя: наоборот, она помогает писателю найти свое лицо, учить его глубже и правильнее отражать жизнь, полнее удовлетворять эстетические потребности народа. А что может быть желанней для художника, чем признание народа?

Если верить буржуазной пропаганде, в СССР свобода отсутствует, СССР отделил от мира «железным занавесом», СССР против свободных контактов. Между тем советское правительство свободно допускает посещать нашу страну людей любых политических взглядов, тогда как госдепартамент США всячески ограничивает въезд не только советских туристов, но и официальных делегаций. В то время как советское радио предоставляет своим английским коллегам все удобства для трансляции международного футбольного состязания, происшедшего в Москве, в Англии при аналогичных условиях была запрещена такая трансляция. Спрашивается, где же, собственно, пресловутый «железный занавес»?

Мы за самые широкие контакты со всеми народами, в том числе и с капиталистическими странами. Нам не страшна никакая критика. Но мы никогда не позволим использовать общение между народами в целях враждебных советскому строю, как этого хотелось бы некоторым зарубежным кругам. Не позволим именно потому, что мы свободны, что мы сами избрали свой общественный строй и не потерим вмешательства в наши внутренние дела.

Ни в одной стране мира не существуют таких массовых демократических организаций, как в нашей стране. У нас есть свобода собраний, уличных шествий и демонстраций. Вместе с тем у нас нет и не может быть социальной похвы для организационных хулиганских выходов, вроде тех, которые имели место в отношении группы советских журналистов в США или в отношении советских архитекторов во Франции.

У нас есть свобода печати. Но наша печать никогда не будет использоваться для пропаганды войны или человеконенавистничества. Мы не позволим этого именно ради своей свободы, завоеванной в борьбе.

Социалистический строй — это самый свободный общественный строй, потому что он освобождает человечество от гнета эксплуатации и предоставляет каждому человеку возможность свободного и всестороннего развития своих индивидуальных способностей. Однако марксистское понимание

свободы не имеет ничего общего с мелкобуржуазной анархической распуцённостью. В марксистском понимании свобода — это не субъективный произвол, а познания необходимости.

Энгельс говорил, что с переходом от капитализма к социализму, когда люди возьмут под контроль общественное производство, произойдет скачок из царства необходимости в царство свободы. Овладев законами общественного развития, общество получает возможность целенаправленно руководить развитием производства, сознательно создавать новый общественный строй.

Это относится не только к сфере материального производства, но и к области морали. Мы решительно отвергаем идеалистическую кантовскую этику, согласно которой нравственным является только такой поступок, который производится абстрактным везением морали, противоречащим личной склонности человека. Мы, напротив, добиваемся максимального сочетания общественных интересов (требования которых выражены в коммунистической нравственности) и личных интересов каждого трудящегося. Однако в основе этого единства лежат общественные интересы, выражающие общественную необходимость. И чем глубже осознает человек эту общественную необходимость, тем свободнее он будет в своих поступках. Если необходимость осознана, она не терпя своего необходимого, обязательного, не зависящего от воли личности характера, утрачивает черты чего-то внешне принудительного. Необходимое становится при этом и желательным. Так, по призыву Коммунистической партии сотни тысяч советских людей включились в дело освоения целинных земель. Партийные документы помогли людям понять, что это действительно необходимо, что в этом состоит их долг перед Родиной, перед народом. И именно потому, что они глубоко осознали эту необходимость, общее дело стало их личным делом, и свой долг они выполняли не по принуждению, а добровольно, свободно, с энтузиазмом. Необходимое, должное стало для них и желательным.

Но наряду с такими фактами массового героизма в нашей среде далеко еще не изжиты настроения эгоистического обывателя, которому плевать на общее дело. Есть люди, которые считают, что им все позволено.

Молодой, здоровый парень, окончивший среднюю школу и не прошедший по конкурсу в институт, вместо того, чтобы идти работать, предпочитает бездельничать. Когда же его приглашают в райком комсомола и предлагают помочь устроиться на работу, он пренебрежительно отвечает, дернув плечом: «Вот еще! Я свободный человек, что хочу, то и делаю. У нас трудяшинство нет».

В институте, где я работаю, учился одна девушка, которая вызываясь ведет себя по отношению к товарищам, криливо одевается, нарушает правила внутреннего распорядка. Когда же ей указывали на неправомерность ее поведения, она высокомерно заявляет: «Это мое личное дело. Я лучше все знаю, как мне поступать».

Подобный мимолетному увлечению, человек развивая семью, бросает жену и детей. Когда же в дело вмешивается общественность, он негодует: «Разве я не свободен решать, с кем жить, кого любить?».

Что станет спорить, что любовь — дело действительно личное и что человек должен жениться на ком ему угодно? Но не существует прав без обязанности. Человек, вообразивший себя «свободным», когда он легко меняет привязанности, глубоко заблуждается. На самом деле он является рабом своих собственных мелких увлечений, а что может быть позорней подобной рабства? Нет ничего более противного самому духу коммунизма, чем обывательские, буржуазные представления о свободе. Человек — не изолированный индивидум, развивающийся сам по себе. Умение быть свободным воспитывается всем строем нашей жизни. Человек не рождается свободным, как представляли французские просветители XVIII века, а становится таковым.

Как в жизни общества в целом, так и в жизни каждого советского человека в отдельности громадная роль принадлежит дисциплине. Коммунистическая сознательная дисциплина — это величайшая сила нравственного воспитания. Она учит каждого из нас правильно сочетать свои личные интересы с интересами общества, воспитывает чувство коллективизма, умение жить и работать в коллективе. Наша дисциплина — сознательная дисциплина, которая в корне противоположна капиталистической дисциплине голода и чистоты. Но сознательный характер дисциплины вовсе не означает, что она свободна от всякой принудительности. Когда, например, внедряются новые методы работы на наших предприятиях, — это не нравятся некоторым людям, привыкшим к «спокойной жизни», и нельзя рассчитывать, что они сразу же изменятся. Тут-то и обнаруживается воспитательная сила дисциплины. Иной, может быть, если бы он был предоставлен своей собственной инициативе, и не стал бы внедрять новую технику, ибо эта общественная необходимость еще не стала его личной необходимостью. Однако, подчиняясь дисциплине, в которой выражается воля коллектива, человек и сам постепенно привыкает к этой воле, и то, что вначале было для него лишь обязанностью, в конце концов становится его нравственным делом.

Свобода, осуществляемая в нашей стране, куплена ценой крови и лишений многих поколений народных борцов. Эта свобода закреплена нашей Конституцией как величайшее завоевание революции. И нет в мире такой силы, которая пожелала бы репрессиями советского народа отступить и развязать это завоевание, достигнутое под мудрым руководством Коммунистической партии, множить свои усилия в борьбе за полное осуществление коммунистических идеалов в нашей стране.

Свобода, осуществляемая в нашей стране, куплена ценой крови и лишений многих поколений народных борцов. Эта свобода закреплена нашей Конституцией как величайшее завоевание революции. И нет в мире такой силы, которая пожелала бы репрессиями советского народа отступить и развязать это завоевание, достигнутое под мудрым руководством Коммунистической партии, множить свои усилия в борьбе за полное осуществление коммунистических идеалов в нашей стране.

Латгальский этнографический ансамбль

Как-то после рабочего дня собралась молодежь колхоза имени Жданова, зазвонили песни. Задумавшись, стояла поодаль группа педальных колхозниц.

— Жизнь расцветает, а наша молодость прошла, — вздохнув, сказала шестидесятидвухлетняя Анна Анисюк.

— Если жизнь хороша, то и молодость должна вернуться, — возразила ей Розалия Гилуч и сильным голосом затянула песню. Ее подхватили пожилые колхозники. Парни и девушки приподняли и стали слушать. Была здесь преподаватель музыки Пневотинский в это время хор колхозной молодежи к Празднику песни. У него возникла мысль, которую он тут же высказал.

— Давайте организуем хор пожилых колхозниц.

Так летом 1953 года в колхозе имени Жданова Прейльского района организовался этнографический ансамбль из пожилых колхозниц.

В репертуар ансамбля вошли старинные латгальские песни, а позже участники стали сами сочинять песни и музыку к ним. Появились свои поэты и композиторы. Этнографический ансамбль выступает в красочных латгальских нарядах, шитых самими колхозницами.

Первого мая ансамбль выступил в помещении Театра оперы и балета Латвийской ССР и покорила слушателей задумчивым и про-

К декаде хор подготовил новую песню «Сегодня нас пригласила в гости великая Москва». Слова и музыку написали сами колхозницы.

Е. ЛОСЕВ

РИГА

На снимке: группа участниц ансамбля.

Максим ТАНК

Кинемеханик Семен

Бьет без остановки дождь студеный
Телеграфные столбы, загоном,
Придорожные пожелтые березы
И Семена, что идет за возом.

Ну, сегодня мог бы и не ехать
Он в поселок свой «Лесное эхо».
День-то выходной, а ливень колкий.
Только как не ехать, ведь в поселке

Широко открылись двери клуба
И на вечере соседка Люба,
Милая, с горячими глазами,
Будет петь: «За гаем, за лесами...»

Будет там отец — любитель песни,
Плотник, всем известный
на Полясе. —
Мать придет на вечер, дед Данила
С трубой, что сильнее, чем печь,
дымила.

Как кинемеханику Семену
Не приехать в поселок из района!
Как не показывать кинокартину,
Что прикрыл он кожухом овчинным,
От дождя ее оберегая.

Ну и радость в сердце заиграет,
Как объявит общему собранию,
Что картина будет на экране,
«Ленин в Октябре» — картина эта...
И от дум таких, как будто светом,
Сердце переполнено Семена.

Хоть сечет и хлещет дождь студеный,
Хоть одежда вся насквозь промокла,
Стонет ветер меж берез пожелтых,
Хоть дорога — тошь, а не дорога,
Хоть на ней сам черт сломает ногу!
И никак не думают соседи,
Что Семен такой порою едет.

Перевел с белорусского
А. ПРОКОФЬЕВ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПУСТЬ ЦВЕТУТ САДЫ
МИЧУРИНЦЕВ!»

В корреспонденции под таким заголовком, опубликованной 15 октября, описан опыт скоростного выращивания плодовых деревьев, применяемый сталинградским садоводом-мичуринцем Я. Семеновым.

Опыт Семенова заинтересовал многих садоводов. За один месяц Семенов получил свыше пятисот писем из разных районов нашей страны и из стран народной демократии. К Семенову обращаются колхозы, совхозы, опытные станции, научные институты, редакции газет, школы, коллективы предприятий.

Институт лесного хозяйства командировал в Сталинград двух научных сотрудников для ознакомления с работами Семенова.

Очень многие корреспонденты просят Семенова выслать кусточки морозостойких абрикосов. Все авторы писем настаивают на быстром выпуске брошюры о «пучковом» методе выращивания плодовых деревьев. Такая брошюра готовится.

Семенов избран председателем правления колхоза «Красный заводчик» Средне-Ахтубинского района, Сталинградской области. С будущей весны колхоз планирует заложить абрикосовый сад.

«ТИШЕ! ЛЮДИ ОТДЫХАЮТ!»

Обзор писем читателей под таким заголовком был опубликован в нашей газете 23 августа. После этого редакция получила много откликов, авторы которых писали о необходимости навести тишину в домах.

Член коллегии Министерства коммунального хозяйства РСФСР тов. В. Елдокин сообщает нам, что требование читателей зафиксировано в «Правилах пользования и содержания жилого помещения», где в § 21 сказано: «Требование отделить радиопередатчик или об уменьшении слышимости игры на музыкальных инструментах, пения и т. п. с 8 часов утра до 12 часов ночи (то есть в течение дня. — Ред.) подлежит удовлетворению».

«Правила» эти, как нам сообщают, издаются массовым тиражом, но, к сожалению, до населения они не доходят; в частности, московская контора «Союзпечать» почему-то отказалась принять их для продажи в киосках.

Много откликов на статью писателя Федора Гладкова «О слабых звеньях в культуре быта» было посвящено неправильному использованию уличных радиопродукторов, работающих обычно на полную мощность с 6 часов утра до 12 ночи. Как сообщают редакции заместителя министра связи тов. Н. Семенова, министерство поручило Центральному конструкторскому бюро разработать специальное устройство дистанционного управления уличными динамиками. Сейчас идет проверка опытного образца, после чего это устройство будет применено на всех уличных громкоговорителях, включенных в общую сеть.

Чабан из Зангезура

Хидзорск — древнейшая деревня Армении. Она приоткрылась в одном из ущелий Зангезурского горного хребта. В ущелье растут виноград и инжир, а выше раскинулись чудесные альпийские луга. Там даже в августе сверкают вечными снегами устремленные в глубину снега вершины гор.

В феврале общее собрание колхозников обсуждало годовую план. Говорили рядовые колхозники, бригадиры, заведующие фермами; говорили со страстью, спорили, не уступая друг другу. Один предлагал увеличить посевы кукурузы, другой требовал восстановить вырубленные несколько лет назад тутовые сады, третий советовал использовать для возделывания табака целину на склонах гор. Лишь один Вагаршак Балоян не участвовал в споре.

Эти разговоры возобновили и Вагаршак, но он отключился. Наконец и Балоян не утерпел.

Колхозники много говорили об овцеводстве.

Ферма колхоза «Ленинский путь» имела более десяти тысяч овец — самая крупная ферма в республике.

Председатель сказал, что правление предлагает вместо предумотренных государственным планом в этом году 2 килограммов 800 граммов получить с одной овцы по 3 килограмма высококачественной шерсти.

— Мало, товарищ председатель! — неожиданно для всех и для самого себя выкрикнул с места Вагаршак. После минуты паузы Балоян встал, расправил плечи, давал понять, что он сказал не просто так, ради красного словца. — Послушайте, товарищи, я даю слово, что с каждой овцы мы получим 4 килограмма отборной шерсти.

В зале зашумели:

— Ты, Вагаршак, получи хотя бы три с половиной!

— Скажешь четыре — и все тут, — проговорил, не уступая, чабан. — Пипните, что говорю. Вызываю на соревнование остальных чабанов.

От Балояна не хотели отставать и другие чабаны — Мхитар Дахуци, Аршак Какоян, Григор Арзуманян, Смбаг Туниан и другие.

Когда чабаны успокоились, из задних рядов снова раздались голоса Балояна:

— Запиши так же, что я обещал: от 400 овцематок получить 440 ягнят, вес каждого из них доведу за лето до 37 килограммов. Нох этим я тоже поднимусь выше.

Это было неслыханно в условиях Зангезура. Здесь всюду горы, ущелья, камни, степные утесы. Дорог к ластивцам нет: летом — ливни, а зима — чуть ли не шесть месяцев.

Сказал Балоян, но оставшись один, забеспокоился: «Сказать легко, сделать труднее». Была минута, когда ему показалось, что он не в силах выполнить обязательство. Однако он не долго колебался. Войдя в овчарню, он сказал своему помощнику:

— Володя, а ну-ка зажги лампу!

В обширной овчарне, построенной два года тому назад, воздух был теплый, душный. Балоян велел немедленно открыть окна.

С сегодняшнего дня, — сказал Вагаршак, — мы на час раньше будем угонять овец на пастбище, до рассвета. Да как бы не забыть побольше посыпать соли на камни: соль возбуждает аппетит.

Начиная с этого дня Балояна не покидала беспокойство. Зимой он часто не уходил из овчарни в деревню, спал в телушке на ферме. Даже среди ночи он прислушивался: если слышал малейший кашель какой-нибудь овцы, беспокоился: «Видно, простыла. Не позавать позвать фельдшера».

Заблудившую овцу Вагаршак отделил от отары, давал ей усиленную пищу.

Балоян имеет начальное образование. Но свое дело он знает хорошо, недаром друзья называют его в шутку «профессор-чабан». Его деды и прадеды были чабанами.

Чабаном был и его отец. А сам Вагаршак — со стадом с десятилетнего возраста. Вот уже сорок пять лет чабанует.

Накопленный опыт делов перенес к нему, как драгоценное наследство. С этим опытом впоследствии спелись и слово науки, новые, передовые ее достижения. Балоян создал своеобразный метод ухода за овцами. Трудно в небольшом очерке рассказать об этом методе.

— Овца — нежное животное, — говорит Балоян: — «Глаз отвед — все потерял».

Балоян считает, что ягнята, рожденные в ноябре и декабре, бывают более выносливыми и продуктивными. Они укрепляются поднимит осенними сочными травами, привыкают к холоду. Двухмесячный ягн-

нок уже сам способен добывать себе корм, разгребая рылкий снег. А когда стада поднимаются на летние пастбища, эти ягнята вывают уже вы-

посливыми, быстро нагуливают вес, образуют шерсть.

Пришла весна. Снег отступил из ущелий, оголяя бархатный ковер трав. Вместе с другими чабанами Балоян погнал свое стадо в горы.

Высоки они, горы Зангезура. Туман укрыл вершины горы Воскесар. Воскесар — золотая гора. Не зря чабаны Зангезура дали ей это название. Зелёные травы этой горы дают тонкорунную шерсть, свежее мясо, душистое сало, аппетитный и приятный сыр.

Когда дошли до летнего пастбища, в стаде Балояна было уже 850 голов овец. Возле родников разбили палатку. В горах зазвучала пастушеская песня.

— Сейчас дни нашего настоящего дела, Володя, — сказал Балоян своему помощнику. — Здесь, на склонах Воскезара, решается судьба данного моего стада. Эти наши горы — настоящие амбары мяса, молока и шерсти...

Но не легко было обычно пользоваться добром этих амбаров. В горах часто возникали бичи. Неделями шел мелкий и частый дождь.

Именно в эту пору обнаруживалось мастертство чабана. Балоян по каким-то особым приметам чувствовал приближение бури и за час до нее стоял скот с горных склонов в убежище глубоких ущелий. В дождливые дни он пас свое стадо в местах, куда почти не доходило дыхание холодных ветров. В солнечные дни Балоян, наоборот, держал стадо в тени скал, а вечерами выводил на луга.

Шли дни. А овцы тем временем поели, густела на них шерсть. И вот, наконец, началось второе настриг. На ягтя доставили из МТС агрегат.

— Эй, братья чабаны, а ну-ка покажите свои возможности! — говорили механизаторы, пуская в ход электростригательные агрегаты.

Начали с отары Аршака Какояна. Его овцы дали в среднем по 4 килограмма 200 граммов шерсти. Балоян побежал к своему стаду, потрогал спинку то одной, то другой овцы.

«Как будто и у моих неплохая шерсть», — думал он.

Наступила очередь его отары. Балоян выбрал средней величины овцу, принес к агрегату. Машина мягко зашумела, и от спины овцы слоями, подобно шелку, стала отделяться шерсть.

«Мое счастье решается», — с тревогой подумал Балоян. Он не заметил, как девушка, примичившая шерсть, положила настриженное на весы.

Результаты веса: 4 килограмма 600 граммов.

— Милая девушка, а ну-ка, проверь, посмотри, не ошибился ли...

Нет, ошибки не было. Когда закончили стричь овец, выяснилось, что в среднем от каждой овцы из отары Балояна получено по 4 килограмма 400 граммов шерсти. Это было большим достижением в овцеводстве горных районов.

Шерсть! Это теплая одежда; это мягкие чулки, которые будут носить наши дети; это шерстяные ковры, которыми украсят квартиры советских людей.

Многие люди потянулись на ягтя. Из Ервана приехали в горы писатели, журналисты, кинооператоры. Художник, посялав Балояна на камень, стал вдохновенно рисовать его портрет.

В этом году неплохие результаты добились также и другие овцеводы колхоза. Артель села государство много шерсти, за что получила 366 тысяч рублей.

Чабанам выданы большие премии. Балоян получил как дополнительную оплату 18 ягнят.

Весоюзная сельскохозяйственная выставка. В павильоне Армении, возле одного из стендов, украшенного аксонатами, стояла группа чабанов — участников Всесоюзного совещания по овцеводству, приехавших из разных мест нашей страны.

Войдя в зал и увидя своих товарищей, Вагаршак Балоян с интересом подошел к ним. На стене висела картина. Все смотрели на полотно, под которым большими буквами были написаны те показатели, которые свидетельствовали о героическом труде его, Балояна.

Старый чабан глянул на полотно и отошел в сторону. Это было его портрет. И вспомнил он склоны Воскезара, художника и тот камень, на котором он сидел. Думал ли он, чабан, что его портрет дойдет до Москвы! Какое-то необычайное воодушевление охватило его, и он мысленно, с пастьуской простотой и в то же время с твердостью поклялся всегда держать высоко честь и славу армянских чабанов.

(Перевод с армянского)

Совещание молодых литераторов Северной Осетии

В Орджоникидзе открылось республиканское совещание молодых литераторов, созданное Союзом писателей и областным комитетом комсомола. С докладом о творчестве молодых авторов выступил председатель правления Союза писателей республики М. Цагарев.

Участники совещания прослушали лекции о дальнейшем подъеме сельского хозяйства и промышленности, встречаются с видными писателями республики. На семинарских занятиях будет обсуждено шестнадцать новых произведений.

В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ

В День Конституции СССР столичные театры покажут зрителям свои лучшие спектакли.

Оперу Глинки «Иван Сусанин» даст Го-

сударственный Академический Большой театр, оперу композитора Д. Кабалевского «Семьи Тараса» — музыкальный театр имени К. С. Станиславского и В. И. Неми

НА ПОДСТУПАХ К ТЕМЕ

К. ЛАПИН

«Когда я, бывало, читал книги о войне, мне все представлялось иначе. Наверно, писатели не знали, о чем пишут».

Ли писателя Яна Гриву, из книги которого «Дорога жизни» взяты эти слова, ни писателя Яна Гранта нельзя упрекнуть в том, что они не знают, о чем пишут. Оба латышских литератора прошли сложный путь. У Яна Гривы он начался еще в дни гражданской войны в Испании, куда латышский юноша-патриот уехал сражаться в рядах Интернациональной бригады за независимость испанского народа. В годы Великой Отечественной войны Грива, боевой, обстрелянный воин, стал командиром одного из подразделений латышской стрелковой дивизии. А Грант проделал вместе с дивизией весь боевой путь от Москвы до Риги в качестве бойца, командира и подполковника.

После войны командиры запаса стали профессиональными литераторами. Уже первый сборник испанских рассказов Я. Гривы «По ту сторону Пиренеев» получил всесоюзную известность. Ян Грант выступал в латышской печати с очерками, рассказами и повестью, посвященной будням рыболовецкого колхоза. Новые книги Я. Гривы «Дорога жизни» и Я. Гранта «За нами Москва», о которых пойдет речь ниже, — первые их крупные прозаические произведения. Несмотря на то, что оба романа весьма различны и по сюжету и по авторскому слою, в них немало общего — и в жанрном материале, который лег в основу произведений, и в некоторых особенностях писательского мастерства. Это и позволяет нам вести общий разговор о двух книгах.

В центр своей книги Я. Грива поставил явную тему латышского рабочего Петериса Пауне, бывшего в годы гражданской войны красным стрелком, то есть солдатом революции. Подвергавшаяся репрессиям в годы ульмановского режима, семья Пауне вздохнула свободно, когда в Латвию была установлена советская власть. Естественно, что все члены этой семьи — Петерис Пауне, его сын, мастер типографии Роберт, дочь Зента — с оружием в руках защищают свою, народную власть. Дорога Отечественной войны оказывается для них дорогой жизни, путь домой лежит через победу.

Но «семья Пауне» гораздо больше. К ней можно смело причислить и героев боев в Испании Дзержика и Лезгяны, чей военный опыт так пригодился теперь молодым латышским стрелкам, и сына батрака Билдуса (Монку), становящегося боевым оружием — разведчиком, и пожилого Мамашу, которая идет в санитары, и других воинов народной армии. Есть у латышских стрелков и старшие братья, руководящие боевыми операциями, вселяющие бойцам уверенность в конечной победе, — русские воины капитан Мельников, артиллерист Черноков, моряк Бороздько и многие, многие другие.

Широкое полотно Великой Отечественной войны — фронт, партизанское движение, подполье, советский тыл — развинуто автор перед читателем. Запомнит читатель драматическую картину сражения в Риге у моста через Даугаву, когда латышские стрелки вместе с рабочими дружинами поочередно «боевое крещение», задержав вражеские танки. Еще больший драматизм и сила заключены в картине эвакуации кораблями Балтийского флота артегардных частей пехотинцев и моряков.

Наверное, читатель долго не забудет этот сбившийся в темноте с дороги отряд латышских стрелков, прешедший в порт, Ж. Грива, «Дорога жизни», Латгосиздат, Рига, 1955. Я. Грант, «За нами Москва», Латгосиздат, Рига, 1955.

Когда корабль уже отошел. Не забудет он и охрипшего, с ввалившимися глазами комманданта, который не может отказать в эвакуации воинам, прикрывавшим отступление, и в то же время не в состоянии прогнать всех опоздавших на последний транспорт с ранеными. И пиратские действия гитлеровских асов, расстреливавших в открытом море безоружные транспорты с ранеными. И героизм воинов, не сдающихся до конца.

«В лучших военных эпизодах книги — большая правда жизни, автор находит здесь настоящие, лучшие от сердца слова, находит точные детали, подлинные краски. Да, все это так и было, но могло быть иначе!»

Но почему же «не видна», не запоминаются картины, скажем, работы эвакуированных в тыл латышских женщин, почему «не слышна», не трогает речь представленных в книге партизан? Не потому ли, что мало сюжет, пережитого и переданного принос Я. Грива в эти рассказы, лишь приблизительно верно написанные главы, и мы все время вспоминаем другие, лучшие описания жизни советского тыла, другие, более яркие фигуры партизан, с которыми мы познакомились по ранее вышедшим произведениям нашей литературы?

Часто писатель, словно не ведая себе, сдвигает художественное слово, находит новое значение, то что уже им показано. В примере, мы увидели, как бывший офицер буржуазной латышской армии Киллар решительно встал на сторону сражающегося народа, мы поверили в его благородные поступки. Но автору этого кажется мало, он заставляет своего героя, прекрасно проявляющего себя в деле, неоднократно доказывать на словах свою преданность. Мы поверили в то, что Зента, чудом спасшись от аэсовских убийц, будет непримиримым борцом с фашизмом, зачем же заставляет девушку повторять в явном недоумении для этого минуту фразы о том, что она должна бороться с врагами и будет бороться, так как весь народ борется...

Если прибегнуть к сравнению из области живописи, то можно сказать, что, даже работая маслом, писатель не должен следовать посылке: «кашу маслом не испортишь». Не только кашу, — лучшую картину портит лишняя, а значит, ненужная мазка. За счет одних только линий «мазков» и эскизов «приблизительных» сцен книга непомерно разбухла в объеме.

Еще разительнее видно это в романе Я. Гранта. Первая часть романа, по сути дела, является всего лишь бесконечно затнутой эскизной, наполненной разговорами вместо действия, рассказом вместо показа. На добрых полтора страницах решается, в сущности, один вопрос: выпадет ли латышским подразделением честь сражаться за Москву? И так как вторая часть романа является прямым ответом на этот вопрос, необходимость в его постановке попросту отпадает.

Боевые действия стрелковой роты лейтенанта Риекста показаны во второй части книги правдиво, живо, динамично. Мы не просто узнаем, что недавний курсант военного училища Риекст — отличный воин и инициативный командир (о чем лишь сообщалось в первой части книги), — мы видим это из описания боев, когда рота Риекста одерживает первые победы. Мы не только узнаем, что бесшабашный боец Гайлис храбр и за словом в карман не лезет (и об этом только сообщалось ранее), но и наглядно видим. Бросая гранаты в набе-

гающие цепи врага, Гайлис успевает пошутить: «Получайте лимон! Урожай этой осени!», а на вопрос командира после атаки: «Все живы?», боец осыпая голосом кричит: «Кто мертвый, отговись!».

Автор показывает боевые дни латышской стрелковой дивизии, проследив за духовным ростом ее людей. Офицер Риекст, пользующийся авторитетом у бойцов, по праву становится командиром батальона вместо заносчивого, самоуверенного Янеца. С такими командирами, как Риекст, как душевный комиссар Стрелец, умеющий найти путь к сердцу каждого воина, с такими бойцами, как Гайлис, Опун и другие, латышские части идут до Риги, — книга рождает в нас эту убежденность, хотя действие ее кончается много раньше.

Но и Я. Грант не верит в силу художественного изображения, злоупотребляет объяснениями и без того ясных явлений. Санитарка Пима после тяжелого боя борется за какую-то книгу и тут же с раздражением бросает ее, настолько содержание произведения не соответствует тому, что происходит сейчас вокруг. Естественно, ее состояние? Выясне. Однако не подумает ли кто-нибудь, что санитарки на фронте вообще не читают ничего? Так через строчку автор сообщает: «Так чередом разговор о книгах, хотя медработницы много читали и на досуге обычно обсуждали между собой прочитанное».

Если убрать такие, никому не нужные комментарии, книга станет лучше. Репетивно нужно очистить роман и от казенных канцелярских оборотов, вроде «календарные двигались в боевом порядке... что диктовалось стремительным наступлением армии и пересеченной местностью», «бойцы... интенсивно стреляли».

В отличие от книги Я. Гривы, удовлетворительно переведенной на русский язык В. Беркович, роман Я. Гранта переведен очень плохо. Порою «перевод» представляет собой малограмотный подстрочник. Переводчик Д. Гасер работает небрежно, торопится, не заботясь о выборе точных, выразительных слов. Больше того, он позволяет себе писать: «старший лейтенант раздразнился», «попосывая Москву стальной дугой» (как может дуга посылать?) и т. д.

В этих и многих других отрезках книги Гранта повинна и редактор русского издания романа Я. Бейлина.

Итак, оба произведения стали бы намного лучше, если б их заблуждено, бережно отредактировали. Но с книгой Я. Гранта это было уже однажды проделано. Редакция журнала «Дружба народов», намереваясь опубликовать произведение латышского автора, посоветовала ему снять ненужную первую часть. Вторая часть была опубликована самостоятельной повестью «Стрелковая рота» в апрельской книжке журнала за этот год. Писатель согласился с сокращениями, сделанными редакцией. Почему же, готовя отдельное издание книги, он восстановил все сокращения? Неужели только для того, чтобы книга стала толще? Что ж, она действительно стала толще, но, увы, не стала лучше!

В статье «Наши успехи и наши просчеты» народный писатель Латвии Вилис Лацис говорил о том, что подвиги латышских стрелков в годы революции и гражданской войны еще ждут своих летописцев. То же можно сказать и о периоде Великой Отечественной войны. Книжки Я. Гривы и Я. Гранта — лишь подступы к большой и важной теме. Авторы их, как мне кажется, должны счесть свою работу незаконченной и основательно ее подтянуть, — тогда их книги станут в одну шеренгу с хорошими произведениями советской литературы, посвященными Отечественной войне.

В степях Акмолинской области прошлой весной появился поселок. Здесь обожилась центральная усадьба нового зерносовхоза. По просьбе комсомольцев его назвали именем Николая Островского. Теснота спаяла дерзкий коллектив совхоза с музеем Николая Островского в Москве. На снимке: новоселы слушают пластинки с записью выступления Н. Островского на IX Всесоюзном съезде комсомола. Их прислал музей. Фото Ю. Немова

КОРОТКО О КНИГАХ

«Люди из Дигоры» В издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в переводе на русский язык Витольда А. Остинского поэта Таймураза Тетпула «Люди из Дигоры». Она составлена из нескольких стихотворений и двух поэм.

Народное произведение — поэма «Раздвоенное сердце». Это — печальная жизненная история о несчастливой любви.

«Делушки Зале любит герой поэмы, она отожена ему нежной любовью. Но ее мать, женщина властная и суровая, перебрала старым обычаям. Она против избрания дочери. И Зале оказалась не в силах противиться жестоким прелюбвицам, против самодурства матери: она уходит из института, соглашается на брак с нелюбимым».

В сердце героя поэмы рядом с ревностью и горем возникает чувство своей собственной вины, вины за свою слабость.

«Против старых обычаев» В этом году выпущены давно не публикованные рассказы безвременного погибшего талантливого кумыкского писателя Ю. Гереева (Рассказы. Латгосиздат, 1955). В сборнике включены произведения, написанные в 1934—1935 гг.

На протяжении веков правили народами Дагестана князья, мурлы, царские наместники, поддерживавшие в народе кровавые, жестокие обычаи.

В сознании некоторых людей остатки этих обычаев цепко держатся до сих пор. Есть еще дагестанцы, верящие в шелебную силу воды от омовения ног шарлатана — «сыктого»; и хотя не имеет никакой силы обычной кровавой мести за оскорбление, но нет, нет да и сверкает кинжал в руке «обиженного» пьяного; боец, погубив старую мать, чтобы брак дочери был совершен по шариату.

Рассказы Ю. Гереева обличают эти вредные пережитки.

«Радость» Так называется одно из стихотворений, помещенных в сборнике Станислава Ильича Кривошеина (Избранное. Саратов, 1955).

Чувство радости определяет и своеобразные стихи И. Кривошеина — их песенный ритм, эмоциональную окраску. Сам поэт сравнил свои стихи с букетом луговых трав — они незатейливы, просты и жизнелюбивы. Порой в этом букете вспыхивают удачно найденное выражение, яркий образ. Так, автор обращается к детям:

И солнце, кажется, возмыл И на ладони вскинул, Как мячик.

Однако И. Кривошеина нужно и упрекнуть: он слишком часто выражает радость возгласами и междометиями.

ТАЛАНТЛИВЫЙ СТРОИТЕЛЬ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Имя Анатолия Васильевича Луначарского вошло в историю русской литературы — критической мысли народа с именами Воробьева, Ольминского, Шаумяна — блестящие плоды первых литературоведческих Луначарского — один из тех многосторонне одаренных общественных деятелей, которые в юные лет свалили свою жизнь с борьбой за счастье трудового народа, с революционным движением, близким знамя Ленина, под его руководством вели активную партийную работу. Грудный и славный путь проходило это поколение революционеров — от создания Коммунистической партии в условиях подполья, через революцию 1905 года, до победы великого Октября.

У Луначарского этот путь был сложным, непрямым, отмеченный и большими успехами и серьезными заблуждениями. На примере его жизни мы видим, какую разносторонность и глубину, какую силу убеждения обретает талант литератора, публициста, трибуна, вдохновленный верной и живой идеей. В лучших своих произведениях Луначарский явился талантливым пропагандистом идей марксизма-ленинизма, ленинского принципа партийности искусства. Известно, что отступление от этих идей повлекло поражение первой русской революции привело Луначарского к тяжелым ошибкам, срывам. Известно также, что, отходя от большевизма в политике, Луначарский и в области философии допускал весьма серьезные отступления от марксизма, скатываясь на позиции неокантианства, махизма, договариваясь до богостроительства, до «примирения» марксизма с религией. Много путаницы было и в эстетических взглядах Луначарского, отразивших его падение в общеполитических вопросах и серьезное влияние на него субъективно-идеалистической философии Авангариса. И только помощь партии, Ленина, их суровая, но заботливая критика помогли ему преодолеть глубокие заблуждения, отбросить неверные взгляды, стать на правильный революционный путь.

После Великой Октябрьской социалистической революции Луначарский выступает одним из видных строителей новой культуры, продолжает интенсивную литературно-критическую деятельность. Он активно отстаивает замечательные традиции искусства прошлого, радостно приветствует успехи нарождающегося и крепнущего искусства социалистического реализма. Его усилиями к делу революции приобщаются многие лучшие представители старой русской интеллигенции. В течение двадцати лет беспрерывно занимая ответственный пост народного комиссара просвещения РСФСР, он многое сделал для нашей школы, для воспитания молодого поколения строителей социализма. Он был блестящим оратором. Значительная роль Луначарского в развитии советской театральной культуры. Однако и в этот период у Луначарского были серьезные срывы и в области педагогики и в области искусства. В частности, он не смог с достаточной четкостью и принципиальностью

направить развитие советской культуры в сторону ее очищения от влияния буржуазной культуры, продолжая интенсивную литературно-критическую деятельность. Он активно отстаивает замечательные традиции искусства прошлого, радостно приветствует успехи нарождающегося и крепнущего искусства социалистического реализма. Его усилиями к делу революции приобщаются многие лучшие представители старой русской интеллигенции. В течение двадцати лет беспрерывно занимая ответственный пост народного комиссара просвещения РСФСР, он многое сделал для нашей школы, для воспитания молодого поколения строителей социализма. Он был блестящим оратором. Значительная роль Луначарского в развитии советской театральной культуры. Однако и в этот период у Луначарского были серьезные срывы и в области педагогики и в области искусства. В частности, он не смог с достаточной четкостью и принципиальностью

направить развитие советской культуры в сторону ее очищения от влияния буржуазной культуры, продолжая интенсивную литературно-критическую деятельность. Он активно отстаивает замечательные традиции искусства прошлого, радостно приветствует успехи нарождающегося и крепнущего искусства социалистического реализма. Его усилиями к делу революции приобщаются многие лучшие представители старой русской интеллигенции. В течение двадцати лет беспрерывно занимая ответственный пост народного комиссара просвещения РСФСР, он многое сделал для нашей школы, для воспитания молодого поколения строителей социализма. Он был блестящим оратором. Значительная роль Луначарского в развитии советской театральной культуры. Однако и в этот период у Луначарского были серьезные срывы и в области педагогики и в области искусства. В частности, он не смог с достаточной четкостью и принципиальностью

направить развитие советской культуры в сторону ее очищения от влияния буржуазной культуры, продолжая интенсивную литературно-критическую деятельность. Он активно отстаивает замечательные традиции искусства прошлого, радостно приветствует успехи нарождающегося и крепнущего искусства социалистического реализма. Его усилиями к делу революции приобщаются многие лучшие представители старой русской интеллигенции. В течение двадцати лет беспрерывно занимая ответственный пост народного комиссара просвещения РСФСР, он многое сделал для нашей школы, для воспитания молодого поколения строителей социализма. Он был блестящим оратором. Значительная роль Луначарского в развитии советской театральной культуры. Однако и в этот период у Луначарского были серьезные срывы и в области педагогики и в области искусства. В частности, он не смог с достаточной четкостью и принципиальностью

Юбилей старейшего писателя Казахстана

АЛМА-АТА. (Наш корр.). Местная общественность широко отметила 60-летие старейшего писателя республики Сапаргали Бегалина.

В конференц-зале Союза писателей собрались литераторы, журналисты, представители общественности города. На почетном месте сидят четыре поколения семьи Бегалина: сам писатель, его 90-летний отец, сын писателя — кинорежиссер Мажит Бегалин и маленькая внучка.

альностью указать на ошибки Пролеткультуры и осудить их. Он не сумел полностью учесть и всего того вреда, который причинял развитию советской культуры всякое «левое» и «ультралевое» группки.

Луначарский был человеком широкой образованности, высокой и тонкой культуры. Под его пером нашли новое, глубокое освещение Пушкин и Шекспир, Байзак и Чернышевский, Микеланджело и Леонардо да Винчи, Мольер, Гёте, Рембрандт, Бетховен, Мусоргский, Лопе де Вега, Римский-Корсаков, Салтыков-Щедрин, Лев Толстой, Некрасов, Горький, Маяковский, Брюсов, Блок и многие другие художники.

Широкую известность Луначарский получил как литературный критик. Многие его работы и выступления носили боевой, наступательный характер, имели большое общественное значение, помогли развитию нашего искусства, последовательской мысли. Лучшие статьи его сохранили не только историческое значение, но и сегодня представляют для нас живой интерес.

Он умел слить воедино высокий пафос гражданской публицистичности с филантропическим анализом мельчайших деталей литературного произведения. Мы можем учиться у Луначарского тонкости понимания красоты искусства, глубокому проникновению в художественную сущность литературных образов. Любя искусство и радуясь его успехам, он умел эту любовь и эту радость передать другим.

Большой интерес представляют высказывания Луначарского о критике. Луначарский считал, что неправильно расценивать «критику общественную» и «критику эстетическую», что это «одно» или «по крайней мере две стороны одного и того же», которые мы должны уметь соединить воедино. По мнению Луначарского, в равной мере нетерпима и односторонность литературоведа, «не отдающего себе отчета в эстетической силе художественного произведения», не понимающего, в каком «направлении... действует эта сила», односторонности критика, не имеющего «адекватного представления о том, какие именно общественные силы породили данное литературное произведение». Луначарскому были органически чужды тип критика, «который умерщвляет художественную литературу, рассекает ее, как труп в анатомическом театре, и провозносит над ней сухую лекцию», ему был чужд тип критика — «сученого путешественника по музею красоты». В его представлении литератор — это человек высоких убеждений, чуждый всякого октанства, всякого группового пристрастия, беспрестанно преданный делу партии. Критик — и сам художник, не только понимающий, но и чувствующий искусство, влюбленный в его красоту.

Было бы очень полезно переиздать наиболее значительные работы Луначарского. Надо вместе с тем, чтобы наши исследователи занялись, наконец, с серьезным изучением его богатого литературно-критического наследия.

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ

Замысел, сюжет, характер

Нат. СОКОЛОВА

Нарисовать живой образ положительного героя наших дней со всем многообразием его интересов, стремлений, действий — одна из важнейших задач, стоящих перед советской литературой. Читатель хочет увидеть во всем рост своего современника, советского человека, деятеля, создателя, борющегося, преодолевающего препятствия, побеждающего. Фридрих Энгельс в свое время предсказывал, что «общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их». Новый герой властно требует своего воплощения на страницах прозы сегодняшнего дня.

У нас есть писатели, которые не в порядке наска, не ради моды, но по воле сердца работают — из года в год, от произведения к произведению — над образами людей труда, рабочих, инженеров, командиров производства, стремясь правдиво рассказать об их жизни и работе, чувствах, мыслях и дерзаниях. Накопив известный опыт, есть на этом пути свои победы, есть и поражения. Составляя недавно в Ленинграде конференция читателей заводских библиотек (многие выступления были приведены в «Литературной газете» от 10 ноября) еще раз показала, как внимательно и вместе с тем требовательно оценивает читатель новые произведения. Радуюсь удачам, он не закрывает глаза на недостатки побывавшей ему книги. «Любим, уважаем, а потому требуем многого» — вот что прозвучало на конференции. Этот разговор «по большому счету» мне хотелось бы продолжить.

Поговорим о мастерстве. Поговорим, в частности, о сюжете — о его роли в произведении, о соотношении сюжета и характера.

Характер в художественном произведении проявляется в решениях, в поступках (или в бездействии, если такова задача, которую перед собой ставил автор, и в этом случае бездействие составляет существо сюжета). Когда писатель рассказывает нам «о себе» в достоинствах и недостатках своего героя, утверждает, что пер-

нижает положительного героя, обесценивает его победу, притупляет смысл и остроту конфликта. Все обвинения Чубукова кажутся нарочито неправдоподобные, смехотворные, в кабинете директора завода он немедленно терпит крах.

Надо ли говорить, что в действительности клевета бывает куда сильнее, опаснее, извистельнее? Сюжета, затеянная Чубуковым, занимает в романе не так много страниц, но эти несколько страниц поучительны. Очерченный писателем характер Алтухова оказался в данном случае крупной ситуацией, он в нее вписывается. Сюжетный ход не оправдал себя, сюжетное построение получилось ниже героя и его возможностей, напряжение конфликта ушло, ослабил действительную силу положительного образа.

Как начинается роман Е. Катерли «Дальняя дорога»? Николай Жуков и Андрей Коробев, молодые специалисты с новыми лицами в карманах, ирризируют на Верхне-Камский завод и начинают работать — один редактором многотиражки, другой мастером в цехе. Но задался Москва, мамы-мамы, телом уют домашнего гнезда, привычная студенческая жизнь. На новом, необходимом месте они сразу же сталкиваются с первыми трудностями, далеко не все идет гладко, далеко не все выглядит так безоблачно-красиво, как в незрелых юношеских мечтаниях. Правильный замысел! Вы с хорошим волнением читаете те острые страницы, где Е. Катерли рассказывает об ошибках и глупостях, совершенных на первых порах молодым мастером.

Нисательница смело касается сложных вопросов действительности, с любовью и вниманием показывает простых людей в подчас не легких обстоятельствах их жизни. Однако чем дальше читаешь, тем яснее становится: сюжет не развивается в своем основном течении, нет поступательного движения, а вместе с тем не развиваются и характеры главных героев. В «Дальней дороге» не хватает того, что было, скажем, в предыдущей работе Е. Катерли «Бронзовая пружина» — нарастающая напряженность, единого сквозного действия, драматичная борьба. Уже в третьей главе романа снимают с поста редактора заводской многотиражки Чумова, вредного и опасного зазнайчика. Оказывается, что его попытка оклеветать работников завода, чуждых коммунизму, для развития сюжета не имеет никакой роли. Она нужна писательнице лишь для индустриальной постановки вопроса о клеветах и ответственности за них. Характеры могли бы раскрыться в борьбе за изобретение Ковалева.

За рамками романа судьба Ковалева была драматичной и напряженной, но в романе мы видим иное. Стояло партию Столетову заинтересоваться этим изобретением, а молодому журналисту Андрею Коробеву написать статью в центральную газету, как все уладилось, по сути дела, само собой. Противники изобретения Ковалева, сильные своими связями и служебным положением, сдались без боя. Участие в этой борьбе далось и Столетову и Андрею легко, без малейшего напряжения (Николай вообще остался от нее в стороне). Испытание характеров не состоялось, поскольку Е. Катерли убергла своих героев от крутых поворотов.

Основное перекрестку ступеньки — тогда выступает второстепенное. Та или иная сцена, жанровая зарисовка, написанная хорошо (третнее купание в пруду) или плохо (поездка на лодке), может быть без ущерба для целого изъята или переставлена, так как не движет повествование, не стала неотъемлемой частью романа.

Нелена всякая попытка установить раз и навсегда, сколько в произведении должно быть граммов «бытового» и сколько «производственного», сколько сцен у kronatik ребенка и сколько у прокатного стана — пополам или, скажем, один к трем... В литературе нет рецептов, нет и не может быть точной дозировки, не существует двух одинаковых решений, — отбор жизненного материала, сочетание тех или иных элементов в произведении зависит от авторского замысла, от той задачи, которую ставил художник, от того уста зрения, который он избрал.

Е. Катерли задумала написать книгу о молодых людях, только что получивших дипломы, отправляющихся в «дальнюю дорогу», задумала рассказать об их первых шагах, о трудовом крещении, о творческом и человеческом возмужании. Но «дальняя», дальняя и большая, в романе то и дело теряется, она идет как бы пунктиром, не становится основой магистральной романа.

Как же это так получилось, что опытная писательница, отлично знающая то, о чем она пишет, не сумела вывести крепкий сюжетный каркас здания? Каким образом в «Дальней дороге» оказались утраченными, опущенными как раз действительно важные сцены между людьми, оказалась вытесненной борьба? Роман писался в те дни, в те месяцы, когда... что греха таить, — на лица критики, редакторы, а за ними и отдельные интеллигентные шарлатаны в сторону труда были объявлены чуть ли не под запретом, во всяком случае расценивались,

как что-то второстепенное. Не сказались ли на работе писательницы эти настроения, чуждые ее замыслу? И вот замысел оказался невыполненным, неудачным в сюжете, судьба Николая и Андрея не стала основным, организующим содержанием сюжета, ядром романа.

Сюжет связан с образом героя, образ тесно связан с сюжетом. Одно зависит от другого, одно другим определяется. Обращаемся к роману Е. Катерли «Братерия Воронина». В первой части романа А. Рыбакову удалось поэтично, тонко рассказать о детстве и юности Кати Воронинной. «Ката росла так же, как росли дети всех исконных волгарей. Едва научившись ходить, уже бесстрашно бегала по самому краю борца, не боясь свалиться за борт, — в воде она чувствовала себя так же уверенно, как тащивший парек на дереве или казачонок на лошади... Она выучилась грамоте, читала на бортах изваяния ветреных судов». Позняя река — вот то, без чего нельзя себе представить эту длинную и по-матросски динамичную девочку-подростка, дочь волжского капитана, понять ее душевные движения, формирование характера. «Волга вошла в ее сердце вместе с запахами и ощущениями детства», — эти слова могли бы стать эпиграфом к первой части романа.

И вот мы видим Екатерину Воронину после долгого перерыва — уже тридцатилетней женщиной, инженером водного транспорта. Она становится начальником участка крупного волжского порта. Дочь капитана Воронина — на берегу? Правильно ли выбрал автор обстоятельства для своей героини, помогая ли они выявлению характера? У А. Рыбакова можно прочесть следующие благозвучные слова: «Ее, выросшую на судне, всегда манил образ женщины-капитана. Но постепенно в этом образе она стала чувствовать что-то излишне картинное, вызывающее общее любопытство. Да и интерес, возникшие у нее с течением времени, побуждали ее работать на берегу».

Итак, от «картинного» варианта писатель отказался, избрал будущий. Что же, в каждом деле есть своя привлекательность, своя внутренняя красота и сила. Но писатель, который в «Волгах» так смело и поэтично, с таким хорошим подтекстом рассказал нам о буднях скромной, казалась бы, ничем не примечательной автолady, на этот раз не удалось раскрыть эстетику той профессии, на которой он остановился. В романе даны точные приметы профессии, но не раскрыта та ее сторона, которая как раз и поджигает человеково-

денно, — не раскрыта связь производства с душевными движениями героини, с ее внутренней жизнью. Романтикой нарождающейся профессии был овеян образ девочки Кати, которая любила Волгу и труд речников смелой, красивой и сильной любовью. Во второй части потусклевала поэзия, ушел, пропал образ реки — величавой и широкой, как русский женский характер. Исчезло ощущение движения, которое рождалось при чтении начальных глав романа, неслыханно и могучий волжский пейзаж, чистый, ясный, пронизанный солнечным светом. «Реки Катиного детства» больше не стало — во второй части это уже совсем другая река, поменьше, поуже, лишенная жизни, движения, красок.

И героиня совсем не та, какой обещала стать, какой становилась на наших глазах. Инженеру Екатерине Воронинной — такой, какой она выведена, — не подходит ее предистория, не нужно происхождение из семьи потомственных речников, детская тяга к Волге, тоска по ее запахам, запахам воды, тумана, сырой древесины на плотах. Сюжет так интересно задуманное произведение как бы скривился — словно писатель вел, вел нас и привел... куда-то не туда. «Чувствуется, что А. Рыбаков недостаточно «взялся» в материал, не добился композиционной стройности романа, — пишет ленинградец Б. Гринцинский от имени участников одной читательской конференции.

«Нанбеле утасла А. Рыбакову живой образ Дуся Онуфровой. Скупыми, но очень выразительными штрихами, с тонким психологическим проникновением в душу героини писатель создал запоминающийся образ простой рабочей девушки».

Да, ломая избранный автором сюжет, на первый план неожиданно выходит героиня Дуся Онуфрова. Именно ее образ, пусть не подготовленный начальными главами, завоевывает внимание и симпатии читателей.

Сюжет, про который Аристотель говорил, что он есть основа и как бы душа драмы, и в прозе во многом является решающим. Если сюжетное развитие прихотливо в противоречие с замыслом художника, то это в первую очередь сказывается на действительной силе характеров. Нельзя забывать слова А. М. Горького, что сюжет — это есть «связь, противоречия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей» — истории роста и организации того или иного характера...».

ЭХО В ГОРАХ

Китайская Народная Республика растет и крепнет, как единое могучее государство, как великая семья свободных и равноправных народов. В стране с 600-миллионным населением, кроме китайцев, проживает еще более 60 национальностей — 35 миллионов человек.

С первых же дней установления народно-демократической власти Коммунистической партии Китая, Центральное правительство ликвидировало вековой режим национального угнетения, провозгласил равноправие всех народов в стране. Ленинские принципы лежат в основе национальной политики партии, они нашли свое выражение в Конституции Китайской Народной Республики.

Новой жизни национальных меньшинств в Юго-Западном Китае посвящен публикуемый нами сегодня очерк.

ПЕРЕД глазами, словно в кино, мельбала одна картина за другой. «Лента» крутится десять суток, и ни разу ее «кадры» не повторятся. Каждый день, проведенный в провинции Юньнань, был удивительным, необычным.

Из Чуциня в Куньмин мы летели на высоте трех с половиной тысяч метров, под крыльями самолета таились горы. Здесь, в Юньнани, горы необычные — они красного цвета. В долинах земля такая же красная, а на ней залитые рисовые полосы, ошурованные грядками. Сверху полосы кажутся склеенными осколками разбитого зеркала. В них отражалась тень нашего самолета.

Куньминский аэродром окаймляли пальмы и бамбук. Тихо шелестели огромными листьями банановые деревья, а воздух был напоен ароматом орхидей. И это в середине ноября! В городском парке цвели белоснежные розы, — для них только что начался весна. В деревнях крестьяне молят рис, сеяли пшеницу (убирать ее будут в мае). В Китае говорят: «В Юньнани всегда весна». И это верно. Здесь нет ни морозов зимой, ни томительной жары летом.

Юньнань — юго-западная окраина Китая, она граничит с Вьетнамом, Лаосом и Бирмой. Живет в Юньнани множество малых национальностей.

В Куньмине мне показали своеобразное письмо юночи к девушке. По искренности и чистоте — это очаровательное послание. Люди из народности и, откуда родом юноша, не знают грамоты. О своих чувствах и мыслях они сообщают друг другу с помощью листьев, коры деревьев, хлебных злаков. Девушка взяла присланный юношей лист бамбука и прочла: «Желаю, чтобы мы всегда были вместе». Она всмотрелась в какой-то знак на листочке, и перед ней возникла фраза: «Я искренне люблю тебя». Две спички, связанные вместе, сообщили ей: «Вечером приду к тебе с факелом», а два бобовых зернышка сказали: «Куда бы ты ни пошла, я найду тебя».

Я побывал в поселке Укэшу («Пять деревень») у крестьянина Ли Тин-фу из народности сани. Он живет в фанзе без окон, разделенной тонкой бамбуковой жердочкой на две половины. В одной половине спят на соломе два буйвола, в другой — люди, даже на соломенной постелице.

О Ли Тин-фу и его сородичах я еще скажу ниже. Сейчас же приведу лишь наш разговор с ним о зерне. Крестьяне Укэшу выращивают рис, пшеницу, бобы и культуру, которая называется «тяо». Это трехгранное, коричневатого цвета зерно. «Тяо» жистоватого. Его сеют на сухих, едва-едва вспавших каменных склонах гор. Оно растет без удобрений и прополки. Но зерно «тяо» очень горькое.

— Рис и пшеница, — сказал Ли Тин-фу, — появились у нас только недавно. Все живя питались мы «тяо».

В поселке Укэшу растут пальмы, огромные кактусы и эвкалипты. Я наблюдал, как крестьяне молят рис, и все же горького зерна «тяо» еще много в их районе. Если говорить фигурально, не все еще горькое устранило из жизни сани, да и других народностей Юньнани.

...Послания одной из этих народностей — аси — привезли в Варшаву на Всемирный фестиваль молодежи «Танец при луне». Асицы неизменно вызвали восторг зрителей. Их танец засняли и включили в свои фильмы кинооператоры Москвы, Варшавы, Пекина.

Это не было любовное экзотикой. «Танец при луне» я смотрел в исполнении студентов юньнаньского института национальных меньшинств. Мне стало понятно, почему он так понравился передовой молодежи мира. Асицы танцевали пластично, весело, с задором. В танце было много жизнелюбия и оптимизма. Созидало и беспрерывно гудели сянь-сянь — нечто подобное украинским бандурам, призывая играть флейты. Танец сопровождал пение.

— В этом танце, — сказал мне один из его участников, — песни бывают разные: поют то, что по душе танцорам. Сейчас же мы пели о том, что расцвели персики и груши, а в нашей жизни наступила весна.

За годы после освобождения Китай впервые познакомился (а затем познакомился и мир) с изумительно поэтичными творениями малых народностей своего Юго-Запада.

В Куньмине я беседовал с первыми собирателями жемчужин устного и музыкального творчества, легенд народностей аси и сани.

— Для записи фольклора, — сказала Хуан Те, заведующая отделом культуры Народного комитета провинции, — мы послали десяти человек. Знаете, сколько они привели одних только песен? Более пятисот. Оказывается, все в жизни малых народностей — и труд, и объяснения в любви, и национальные праздники — сопровождается песней. У народности сани записаны поэтические предания ее истории. Собиратели фольклора познакомились с «Ромео и Джульеттой» народности тай — Опаян и Самуэлю. Влюбленные не хотели разлучаться и после смерти

и стали звездами на небе. У сани существует красивая легенда о девушке по имени Ашима, которая встала против подпольного брата. Злые силы бросили ее в пучину реки. Но Ашима не умерла. Она превратилась в эхо человеческого веселья, песен и музыки.

Работники Юньнаньского ансамбля песни и пляски изучили много великолепных танцев, музыканты записали десятки мелодий. Люди тай подарили ансамблю лучшую свою мелодию, она существует и передается из поколения в поколение более двухсот лет. Ансамбль познакомился с национальным инструментом тай — хулушан. Это одновременно и скрипка, и флейта, и аккордеон. Волшебная хулушан родилась в глубине веков, может быть, раньше, чем скрипка и флейта Европы.

В Юньнаньской провинции есть «каменный лес». Это сказочное зрелище: из серо-голубоватых скал природа выточила столбы, похожие на эвкалипты, часток, напоминающий бамбук. Вода и ветер «соорудили» там мемориальные плиты, стелы, арки, разнообразные пирамиды. Такое и во сне не увидишь. Соп, даже самый причудливый, отражает обычно что-то видимое, а многие ли видели это единственное в своем роде, очень отдаленный от магистралей мира юньнаньский «каменный лес»?

«Каменный лесом» было национальное искусство малых народностей Юго-Западного Китая. Оно возникло на той или иной горе, в той или иной долине и было известно только своей горе и своей долине.

Но вот китайский народ, сделав сам первый свободный вздох, пришел к национальным меньшинствам, принес им свою высокую культуру и в свою очередь стал черпать у них сокровища их искусства. В 1953 году в Куньмине состоялся фестиваль народной музыки и танцев. На нем показали свое искусство многие народно-

А Цяо — учительница деревни Мажизяо Ляншаньского автономного округа народности и. Снимок из журнала «Жемьинь хуабэо»

сти. В будущем году начнет выходить журнал, который будет освещать устное творчество национальных меньшинств. Под влиянием китайской народной культуры и национальных меньшинств возникают свои первые в истории профессиональные театры.

Победа народной революции заставила национальные меньшинства Юго-Западного Китая на очень низкой ступени экономического развития. У некоторых народностей внутренних районов Юньнани сложился феодальный строй. Они возделывали полевой рис. Однако около миллиона человек в этих районах жило в горах и земледелие вело очень примитивно. Люди народности мяо ежегодно топтали.

Особенно отсталыми были народности в пограничных районах. Строй их жизни находился на первобытном уровне; господствовали дикие обычаи и суеверия. Маленькая народность дулу, живущая на севере провинции, не имела жилищ, даже самых примитивных. Женщины татуировали лица.

Китайский народ во главе со своей Коммунистической партией пришел сюда с целью экономической и культурной помощи. Созданы десятки национальных автономных районов, округов и уездов.

Во внутренних районах Юньнани с 1950 по 1953 год была проведена земельная реформа. Постепенно исчезла кочевая обстановка. Многие переселились с гор в долины. Там их ждали дома, построенные в

порядке помощи китайскими крестьянами. Правительство выдало переселенцам ссуды на приобретение буйволов и инвентаря. Китайские крестьяне научили, как обрабатывать рисовые поля, как пользоваться сельскохозяйственными орудиями.

Сложнее было дело в пограничных районах. Здесь земельную реформу начали проводить только весной нынешнего года. И тут народное правительство помогает людям спускаться с гор в долины, дает ссуды, помогает поднимать целину, сооружать ирригационные каналы. Скоро здесь возникнут торговые базы. Они будут снабжать население товарами, налаживать здравоохранение, культурную работу.

На вопрос, каким путем пойдет дальнейшее развитие этих народностей, руководители работников провинциального комитета КНР Ван Лян-фан ответил: — Путь совершенно ясен. К социализму! Медленнее, чем переходные народы, но непременно к социализму, минуя — один капиталистическую, другие — феодальную и капиталистическую стадии развития. В национальной политике мы пользуемся опытом Советского Союза.

...Я снова возвращаюсь в безоконную, задымленную фанзу крестьянина Ли Тин-фу из поселка Укэшу. Все, что я узнал о жизни этого поселка, все, что рассказал мне Ли Тин-фу, наглядно подтверждало слова товарища Ван Лян-фана.

В поселок Укэшу мы попали случайно и в фанзе Ли Тин-фу были неожиданными гостями. Однако крестьянин принял нас очень гостеприимно: принес от соседней слепотницы из рисовой соломы подставки, вроде табуреток, предложил курить бамбуковую трубку и охотно ответил на все наши вопросы.

До аграрной реформы Ли Тин-фу имел на семью из шести человек 1,6 му земли. После реформы — 5,5 му. На ссуду, выданную правительством, Ли купил двух буйволов. Через год вступил в бригаду трудовой взаимопомощи. Раньше он собирал 720 цзиней зерна в год, сейчас — 2,500 цзиней. Семья больше не голодает. А за халом, конечно, придет и остальное.

В поселке недавно создан сельскохозяйственный кооператив. Его председатель рассказал нам, что в кооперативе объединилось 31 хозяйство из 75 в поселке. Люди с надеждой и уверенностью смотрят в будущее.

— А как же! — воскликнул председатель. — Вот мы уже закончили зимний сев, нам потребовалось для этого семь дней. А когда сеяли единолично, едва укладывались в двадцать.

Кооперативы среди национальных меньшинств во внутренних районах Юньнани начали возникать с 1953 года. В 1954 году и особенно в 1955 году кооперативное движение стало массовым. Национальные и смешанные кооперативы (их уже около двенадцати тысяч) составляют четвертую часть всех кооперативов провинции.

Национальный район народности тай расположен в субтропиках. Там растут кокосовые орехи, ананасы, сахарный тростник. Под руководством правительства народ начинает создавать каучуковые и кофейные плантации, выращивать хлопчат.

От Куньмина до района, где живет народность тай, через горы проведена посевная дорога. Автомашин доставляют по ней товары национальным меньшинствам. А навстречу движется поток чая, хлопка, риса, ананасов. По этой же дороге приехали в Куньмин, Пекин и другие города Китая сотни юношей для учебы в высших учебных заведениях.

Конечно, нельзя преуменьшать трудности, они значительны, остальное еще велика, и путь к социализму здесь не легкий. Однако национальные меньшинства уже получают свою письменность. Реформирована письменность тай и циньпо, она создана у народности лису, разрабатывается для народности лаху. И юноша, что послал своей возлюбленной письмо, составленное из листьев и бобовых зерен, будет скоро писать пером на бумаге.

Народность и выдвинула своего первого даровитого писателя Ли Цяо. Появятся писатели и среди других национальных меньшинств. Даже в самых отсталых пограничных районах создано уже свыше тысячи начальных школ, восемь средних, педагогическое училище. В юньнаньском институте национальных меньшинств учится молодежь сорока народностей.

Захарство и суеверия вытесняются амбулаториями, больницами. В них работают молодые врачи, окончившие институты нового Китая. Чжао Сю-лань, одна из исполнительниц «Танца при луне» на Всемирном фестивале молодежи в Варшаве, в будущем году окончит медицинский техникум.

...В Институте национальных меньшинств в библиотеке рядом с трудами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао Цзю-дуня я увидел тоненькую книжечку — Конституцию Китайской Народной Республики. Она напечатана на четырех языках: китайском, тай, цинпо, лису. «Китайская Народная Республика», — говорится в Конституции, — есть единое многонациональное государство. Все национальности равноправны. Запрещается дискриминация и гнет в отношении любой национальности. Запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей».

Не это ли все я видел в Юньнани? Сейчас, когда я покидаю Юньнань, она представляется мне в образе легендарной Ашима, бессмертной, как народ, и отзывчивой, как эхо в горах, на все доброе, веселое и светлое.

С. КОЖЕВНИКОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты» ПЕКИН, декабрь. (По телеграфу)

Тревожные дни в Бонне

Последняя неделя была тревожной для боннской правительственной коалиции. Об этом наперобой сообщали корреспонденты ряда органов западной печати. Характеризуя положение в Западной Германии, американское агентство Юнайтед Пресс передает, что в правительственной коалиции ФРГ разразился острый кризис. И хотя позавчера бундестаг принял резолюцию, одобряющую заявление правительства по внешнеполитическим вопросам, но для всех ясно, что разногласия между коалиционными партиями не устранены.

Когда председатель «Свободной демократической партии» Делер выступил с публичной критикой политики правительства и заявил, что воссоединение Германии — дело прежде всего самих немцев, то он выразил мнение, которое на западе страны постепенно становится всеобщим. Как известно, еще раньше из состава правительственной коалиции фактически вышел «Общегерманский блок», и фракция этой партии в бундестаге требует удаления из кабинета министров Оберлендера и Крафта, которые придерживаются политики включения Западной Германии в военные блоки. Возражения против такой политики выдвинула и «Свободная демократическая партия». Конраду Аденауэру пришлось от имени двух других коалиционных партий — ХДС/ХСС и «Немецкой партии» предельно непокорным настоять ультиматум.

В бундестаге депутаты партии Делера голосовали за политику правительства. Но что это означает? Ведь в то-то и дело, что никакие маневры в нынешней политической обстановке не могут помочь партиям боннской коалиции, как и всему кабинету Аденауэра в целом, уйти от основного вопроса: политика военных блоков или воссоединение Германии? А судя по высказываниям западногерманской печати, миллионы немцев понимают, что вопрос стоит именно так.

И в бундестаге прозвучала критика политики правительства. Лидер социал-демократов Олденхауэр подчеркнул, что правительственное заявление означает фактический отказ от самостоятельной политики в вопросе о воссоединении. В сообщении службы печати СДПГ говорится, что Врэнштауэр от правительства фон Брентау «не развил никаких практических предложений о том, как открыть дверь к воссоединению». А ведь этого ждут немцы!

Вполне естественно, что позиция западных держав на Женевском совещании Министров иностранных дел четырех держав не удовлетворила немецкий народ. Все больше немцев отдают себе отчет в том, что главное в предложенных западных державах — это не вопрос о воссоединении Германии и не вопрос об общегерманских выборах, а несприятельное стремление включить в западные военные группировки не только Западную Германию, но и всю Германию в целом. Воссоединение приносит в жертву планам реинтеграции. И те официальные лица в Бонне, которые поддерживают подобную политику, подвергаются резкой критике общественности.

«Даже в партии канцлера, не говоря уже о коалиции, по этому вопросу пока нет согласия», — отмечает западногерманская газета «Фульдер фольксцейтунг». «Необходимо сначала достичь единства в самой Германии», — пишет «Франкфуртер рундшэу» — прежде чем требовать от мира, чтобы он пришел к согласию о нас».

Влиятельная западногерманская газета «Экспресс цейтунг» в эти дни поместила статью, в которой выступает против безоговорочного подчинения политики правительства ФРГ планам западных держав и высказывается за переговоры с Советским Союзом. На этом все более решительно настаивают самые широкие и различные слои населения Западной Германии.

Разногласия в Бонне отражают настроения западногерманской общественности. Кризис боннской коалиции, о котором пишет западная печать, — это кризис политики, мешающей осуществить главную внешнеполитическую задачу германского народа: воссоединение Германии.

А. МАРКОВ

«Взрывчатые» мел и чернила

Английская газета «Дейли митронг» поместила заметку, в которой резко критикует министра по делам туризма Южно-Африканского Союза Хендрика Вервурда.

Газета называет его самой одной из всех «мрачных» фигур, окружающих южноафриканского премьер-министра Страйду. По словам «Дейли митронг», Вервурд — «наиболее решительный» раст в этой коалиции, он представляет собою грубого африканского издателя Альфреда Розенберга. Не случайно, подчеркивает газета, Вервурд «сочувствовал канцелярам во время минувшей войны».

Имя этого министра «Дейли митронг» связывает с действующей в Южно-Африканском Союзе и прибрежной печальностью «доктрины» апартеида — политической дискриминации по цвету кожи. Благодаря Вервурду и ему подобным эта политика применяется во всех областях жизни Южно-Африки.

Так, конституция Южно-Африканского Союза предоставляет право участия в законодательных органах только белым. При этом никто не смущает об обстоятельстве, что в стране на два с половиной миллиона европеоидов приходится 10 миллионов негров. В соответствии с законом об установлении определенного места жительства для разных расовых групп белые и «цветные» больше не могут жить бок о бок. Черным не разрешено заниматься более или менее квалифицированным трудом. За одну и ту же работу «цветной» негр получает в 5-10 раз меньше европеоидов. «Цветные» лишены права ехать в одном и том же купе с белым. Для них введены особые автобусы и трамваи. На железнодорожных станциях, в почтовых отделениях, во многих правительственных учреждениях отведены специальные комнаты для «цветных» посетителей.

Однако, если верить издающемуся ведомством Вервурда журналу, посвященному делам туземцев, негры просто не знают, как отблагодарить министра за его «благодетельство» и именуемого «папашером», «папашелем», «извобителем».

Одно из «благодетельств» Вервурда — введение такой системы «просвещения» для туземцев, которая должна закрепить их на самой низкой ступени развития, обеспечивая за их счет резерв дешевой рабочей силы.

Эта система уже привнесла к тому, что, как сообщает газета «Дейли митронг», на территории страны появились десятки нелегальных школ для туземцев. «Знания в Южной Африке», — заключает газета, — оказались контрабандой. «Дейли митронг» описывает, как негры, крадучись, тащат классные доски, завернутые в газеты, в помещения, где происходит нелегальное обучение детей. Для борьбы с этой «контрабандой» созданы специальные полицейские отряды, которые вынуждают негр стремиться обучать такие «копачи» плазничные вещества, как коробки мела и бутылки чернил».

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ, ПОСЕТИВШИХ США

Около 300 представителей советских и иностранных газет собралось 2 декабря в Центральном Доме журналиста, где состоялась пресс-конференция группы советских журналистов, недавно возвратившихся из поездки в Соединенные Штаты Америки.

Глава делегации писатель Борис Полевой зачитал следующее заявление:

«Недавно один американский корреспондент спросил нас в интервью, что нового мы скажем о своей поездке по Америке в связи с тем, что мы уже вернулись домой. Мы заявили, что советские журналисты не имеют привычки менять свои суждения в зависимости от места, где они произносятся. Поэтому мы заранее должны извиниться перед присутствующими здесь, в числе других, американскими корреспондентами за то, что наше заявление если не по форме, то по существу, не даст им что-либо новое по сравнению с тем, что мы уже заявляли в Вашингтоне».

33 дня наша группа из семи человек путешествовала по Соединенным Штатам. Дважды, по разным маршрутам, мы пересекли страну от океана до океана, совершив поездки по маршруту Нью-Йорк — Кливленд — Солт-Лейк-сити — Рино — Вирджиния-сити — Сакраменто — Сан-Франциско — Лос-Анжелос — Голливуд — Феникс — Вашингтон — Нью-Йорк. Мы заявили, что хотим видеть все самое лучшее, чем гордится индейский народ, и организаторы нашей поездки, как нам кажется, стремились по мере возможности удовлетворить это наше желание. Мы посетили лучшие картинные галереи и музеи Нью-Йорка, Вашингтона, Кливленда, школы, где учатся индейские дети, своеобразный клуб народностей Карам-хауэ, оригинальный детский парк «Земля Диснея», новые заводы Форда и «Дженерал моторс», очень интересное организованное медный рудник в Скалистых горах. Мы были приняты в Колумбийском и Баилорнском университетах, в Гуверсовом институте, в кинотеатрах Голливуда и имели добрые беседы с мэрами крупнейших городов, губернаторами штатов, с видными киноартистами и писателями, с руководителями влиятельной в США моремской линии.

Мы были приняты также руководителями Нью-Йоркского биржи, торговой палаты Сан-Франциско, крупнейшей банковской конторы, руководителями ряда профсоюзов. Нам по-дружески приветствовали наши коллеги в Нью-Йоркских, Вашингтонских газетах, в телевизионных и радиостудиях, в столичном и провинциальных пресс-клубах, где с нами охотно делились опытом американской печати, радио и телевидения. Во всех городах, где мы были, у нас были пресс-конференции, мы давали радиointервью, по несколько раз выступали по радио и телевидению, участвовали в открытых спорах-форумах с нашими американскими коллегами, которые велись при широкой публике и даже транслировались телевидением.

Теперь мы позволим себе ответить на вопрос, который нам все время задавали во время путешествия: что нам понравилось и что нам не понравилось в Америке?

Нам понравились небоскребы Нью-Йорка и уютные домики маленьких городков, разбросанные среди зелени вдоль автомобильных дорог, туннель Авраама Линкольна, гигантский мост, соединяющий Сан-Франциско с Оклендом, автомобильные дороги и сами автомобили новейших моделей, отличная симфоническая музыка, которую мы слушали в Вашингтоне и Кливленде, и органичный концерт, которым мы наслаждались в Солт-Лейк-сити. Нам очень нравилось видеть эти достижения американской техники и культуры, и нам очень не нравилось, что толпы безответственных и нетрудовых крикунов, которым маршрут нашей делегации почему-то становился известен даже раньше, чем нам самим, устранили нам безобразные дебоши, доходившие до того, что при этом слегка пострадал провозжающий нас американец и был побит негр-шофер, загорюливший нас при посадке в машину. Представьте, что напали бы вы, наши западные коллеги, если бы в один прекрасный день вы были бы блокированы в какой-нибудь московской гостинице толпой пьяных хулиганов с плакатами, оскорбляющими вас и вашу страну?

Нас хорошо, дружески встречали везде, где бы мы ни появлялись, — будь то университет, храм, кабинет губернатора, киношная, новейший завод, редакционная комната или сцена для телешоков. Мы не проехали в зоны, куда запрещен въезд советским людям, но там, где мы бывали,

нам охотно все показывали и рассказывали. И это нам очень нравилось. Но нам было странно, когда в ряде городов за нами по пятам ходили два-три официально прикомандированных к нам дюжых детектива, сопровождавших нас даже в купальный бассейн или даже — притяните — в уборную. В Нью-Йорке на аэродроме нашу скромную семью встречали 39 полицейских и 3 детектива в штатском. Легко понять, дорогие иностранные коллеги, какое мнение вынесли бы вы о нашем гостеприимстве и о правах иностранных корреспондентов в нашей стране, если бы вас на московском аэродроме встречало такое количество милиционеров или если бы за вами по пятам неотступно по московским улицам ходили дюжые молодцы с оттопыренными задними карманами?

Каждый раз, приезжая в новый американский город, мы получали от неизвестных нам американцев много предложений посетить их дома, провести с ними свободный вечер. И мы с радостью принимали эти приглашения и, разбившись на две, три, а то и на четыре группы, проводили вечер в гостях у американцев, людей различных профессий и разного социального положения. И нам очень нравилось, что среди них мы не встретили ни одного сторонника политики «с позиции силы», ни одного человека, который бы мечтал о войне или считал бы ее неизбежной. Наоборот, мы видели всюду тягу людей Америки к сосуществованию различных социальных систем, к взаимопониманию, к обмену ценностями культуры, к взаимовыгодной торговле и к миру с большой буквы. Это нам очень, очень нравилось. Но нам не нравилось, что эта многократно высказанная нам точка зрения почти не находила себе отражения в газетах и что газеты очень часто давали большие крикливые «шпакли», напоминавшие о днях наибольшего обострения холодной войны. И, честно говоря, нам, членам первой советской журналистской делегации в Соединенных Штатах, не понравилось, что нас не приняли и в нами не захотел разговаривать ни один из членов американского правительства, которым мы приезде разослали телеграммы с просьбой дать интервью.

Подытоживая, мы с удовольствием говорим вам, что больше всего в Америке нам понравился сам деятельный, энергичный, жизнелюбивый американский народ, народ, умеющий хорошо работать, понимающий шутку, любящий песню, народ, в массе своей стремящийся к миру, к взаимопониманию, к взаимовыгодной торговле, к обмену культурными ценностями, взаимобогащению нации.

Мы хотим воспользоваться этой пресс-конференцией для того, чтобы поблагодарить существующие в американских городах комитеты по встрече иностранцев, американских редакторов и журналистов, руководителей пресс-клубов, а главное — и в особенности — всех людей, с которыми мы по вечерам делили хлеб-соль за дружеской откровенной беседой.

Мы просим вас, американские коллеги, присутствующие на этой пресс-конференции, передать всем им от нас большое и крепкое русское спасибо».

Члены делегации ответили на многочисленные вопросы представителей советской печати и иностранных корреспондентов.

Около двух с половиной часов длилось это своеобразное массовое интервью, проходившее в непринужденном тоне дружеской беседы.

Члены делегации рассказали о многих сторонах жизни Америки. Они отметили, например, хорошую организацию массового питания в США, высокое качество шоссе дорог, успехи автомобилестроения. Участники поездки в США остановились также на интересном опыте профессиональной подготовки журналистских кадров в Колумбийском университете. Преподавание журналистики в этом университете тесно связано с практикой студентов в газете.

По просьбе американских корреспондентов журналисты рассказали об оставшихся весьма тягостное впечатление обструкций, устроенных отдельными группками пьяных хулиганов в Кливленде, Лос-Анжелосе и некоторых других местах. Но многочисленные письма и цветы, которые получали советские журналисты в Соединенных Штатах, лучше всего говорили о том, что честные американцы стыдятся этих хулиганских инцидентов и не считают участников подобных выходов настоящими американцами.

Поездка группы советских журналистов за океан, безусловно, должна послужить взаимопониманию между народами обеих стран.

Реакционные журналисты прямо землю роют... Рисунок М. Абрамова

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ВЫЙДЕТ 8 ДЕКАБРЯ

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).